

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

НА РУИНАХ МАЛЬРОКА

Девятый

Артем Каменистый
На руинах Мальрока

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каменистый А.

На руинах Мальрока / А. Каменистый — «Эксмо»,
2018 — (Девятый)

ISBN 978-5-04-098807-5

Его номер девятый. Его задание невозможное: выжить там, где погибли его предшественники; сделать то, что не смогли сделать они. Со вторым у него проблемы: некогда заниматься ерундой, все силы уходят на выживание. Из-за этого и с первым неприятности случаются — не всегда удастся выжить. Его дорога началась со смерти, и смерть продолжает следовать за ним. Сегодня ему придется сделать выбор: бесславно проиграть или в очередной раз рискнуть жизнью ради призрачного шанса на победу. Но что такое жизнь для того, кто уже привык умирать?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098807-5

© Каменистый А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Артем Каменистый На руинах Мальрока

Пролог

— ...изменник рода человеческого, признаешь ли ты, что вступил на дорогу зла по воле своей, а не по принуждению или недомыслию глупому? Соблазн тебя обуял, жизни нечестивой, блудливой и разгульной возжелалось, оттого и свет чистый на мрак крошечный променял! Тьма тебя гложет, и приятны тебе кровавые лобзания от клыков ее вонюче-слюнявых! И дорогами зла шел ты к гибели души, чужою кровью землю не жалея поливал, говоря в смрадную пустоту: «Прими меня Тьма нечистая, твой я теперь не по принуждению, а по желанию своему!» Иль собственную кровь при этом тоже отдавал, малой данью нечисть умасливая? Во сне глубоко шепот врага рода человеческого как весть благую принимал, оттого и просыпаться не хотел, на соломе в телеге днями отлеживаясь? С умыслом богопротивным или пустой глупостью жертвами многими погань накормил? Сознаешься ли, что без брачного ложа совокуплялся с богомерзким суккубом под покровом ночи в помещении греховном, свое тело, Богом даденное, навеки тем деянием осквернив? Сознаешься, что принял впоследствии на грудь живое сердце змеиное бабы поганой своей, предав себя тьме? Сознаешься, что Бога отверг истинного; что плевал на церковные изваяния; что потешался над тайнами святыми; а еще питал симпатию к гадкому учению богопротивных еретиков, которые, следуя подлейшему завету богоотступника Иридия, извратили истину не единожды? Признаешься, что в тайный сговор с премерзким епископом иридианским вступил и многие души невинные погубить замыслил, в западню коварную с улыбкой лживой заманивая? Признаешься, что многими страшными карами грозился солдатам войска королевского, воспрещая им в битву со слугами зла вступать? Сознаешься, что с помощью Дьявола – самого страшного врага рода человеческого, оружие нечистое за одну ночь в кузнице сотворил, коим затем предательски оскотил солдата королевского из великой дали, не видя его при этом, но по наущению нечистого духа, не промахнувшись?»

На последних словах я, не сдержавшись, улыбнулся. Опять... Несмотря на ситуацию, не могу не порадоваться. Единственный позитивный вопрос – при всем моем бедственном положении лишь он не перестает радовать. Приятно знать, что не промахнулся в тот раз, что действительно угодил сволочи, куда мечтал. Очень удачно вышло, ведь подонкам потомство ни к чему. Не иначе как и впрямь сам Бог помог – без его вмешательства достать гада за нежные места через крепостную амбразуру непросто.

«Скалишься, зла скверное исчадие?! Водой святой оскал твой сейчас утрем – скалься-скалься! А не перестанешь скалиться, так воду ту подогреем, а то и вскипятим!»

Опять водные процедуры?! Да сколько же можно! Эх... надо научиться контролировать свои эмоции. Зря я улыбнулся – сейчас опять начнется. Вот ведь наблюдательный гад – улыбка у меня небось едва заметна... скорее гримаса легкая; темень в этом каземате почти полная – чадающий светильник в углу помогает мало. Но все замечает...

Поток вопросов прервался, но до молитвы дело еще не дошло. Когда он начинает молиться, мое чувство юмора куда-то прячется. И обычно я при этом ору так, что уголки губ рвутся, – нелегко при таких раскладах улыбаться.

Он, вполне возможно, и не злой. Возможно, глубоко в душе не желает мне ничего, кроме добра. Возможно, даже искренне считает, что спасает меня от куда более худшей участи.

Может, он в чем-то и прав, но это не мешает мне его ненавидеть.

Я давно устал отвечать на одинаковые вопросы – он не слушает ответы или не верит им. Промолчу я или в очередной раз сознаюсь во всем – ему безразлично. Он будет спрашивать снова и снова, перемежая допрос молитвами и кое-чем еще... очень нехорошим. Для этого нехорошего у него имеется парочка молчаливых помощников. За все время они ни слова не произнесли, если не считать перешептываний друг с другом.

Уж лучше бы они языки чесали, чем...

Ему все равно – каюсь я, ору от боли, молчу или ругаюсь на двух языках. Даже то, что один из этих языков в его мире никому не известен, ничуть его не интригует. Часами или сутками, монотонным голосом, не громко и не тихо: спрашивает, спрашивает и спрашивает.

Одно и то же. В перерывах между молитвами...

Его помыслы, если не придирается к отдельным меркантильным мелочам, благородны – он, похоже, искренне мечтает меня спасти. Но мне от этого не легче, потому что спасти он мечтает лишь душу.

На тело ему наплевать.

Неудивительно, ведь он – инквизитор.

Глава 1

Будни инквизиторов

Оглядываясь назад, на все свои двадцать девять относительно честно прожитых лет, не могу не признать – в скуке стандартной жизни имеются свои преимущества. Самое страшное повреждение организма – царапина от диванной пружины; самый большой стресс – когда, прогулив семестр (погряз по молодости-глупости в гулянках и добывании средств на эти самые гулянки), чудом, в последний момент, разделался с экзаменами, едва не отправившись служить Родине, что в мои жизненные планы никаким боком не входило.

Хотя вру: самый страшный стресс подытожил мою старую беззаботную жизнь. Это случилось в тот день, когда я в последний раз увидел своего врача, узнав от него неприятные новости... Он тогда дал честное слово, что коптить небо мне осталось недолго. Полгода давал... максимум.

Интересно, сколько с той поры минуло? Около трех месяцев там, еще на Земле, «яйцеголовая шайка» обучала меня премудростям науки выживания, заодно напичкав голову теоретическим мусором, чертежами и схемами. Память у меня хорошая, но этого им показалось мало. Даже до гипноза дело доходило и шепчущих наушников на ночь. Информационный прессинг был чудовищным – моя и без того нездоровая голова переносила его с трудом. С тех пор у меня в черепе свалка... хотя и до этого мусора там хватало...

Сколько я здесь? Двухнедельные скитания по морю, лесам и холмам; оживающие хищники; горько-соленая вода в легких; свист стрел; звон оружия; кровь и раны... смерти спутников. Мою давнюю царапину от диванной пружины здесь даже обрабатывать не станут: раз голова не оторвана, значит, боец здоров.

Потом, похоже, я умер. В очередной раз. И опять ненадолго... о чем уже устал сожалеть.

Сколько я уже провисел на сырой холодной стене? Без понятия, в этом темном подвале время давно остановилось. Может, неделю, а может, и год...

Здесь частенько случается, что мгновение растягивается в вечность...

Да и откуда мне знать, сколько длится местный день? Иван тогда, еще на Земле, рассказывал, что, по их подсчетам, он чуть длиннее земного. Можно ли верить этой информации? Я вот не верю – половина их теоретических построений высосана из пальца, а откуда высосана вторая половина, даже знать не хочется.

Ладно, будем считать, что прошло полгода. Я успел умереть пару раз, но все еще живехонек. Точнее, живет одно из моих тел – другое, увы, отправилось на кладбище.

Хотя не факт – может, медленно дрейфует в жидком азоте с каким-нибудь секретным антифризом, залитым вместо крови...

Яйцеголовым верить безоглядно не стоит...

Кстати, об этом я местному инквизитору уже рассказывал. Из моего сбивчивого объяснения он понял лишь одно: мое старое тело умерло, а новое я считаю чужим. После этого ему пришлось долго молиться, а мне, естественно, опять страдать, сожалея о своей разговорчивости. Но не рассказать было невозможно: в этой организации умеют получать ответы на любые вопросы.

С тех пор я предпочитаю помалкивать. Стимула для откровенности нет: соловьем разливайся или язык проглоти – все равно молитв не избежать. Хотя помалкивать трудно, не получился из меня партизан на допросе в гестапо. Ну не переносу я некоторые методы местного дознания.

Молитвы – это еще куда ни шло, но вот то, что происходит параллельно им, меня очень напрягает...

Лязг железа – и мое тело опускается на цепях. Грубые лапы подхватывают, тащат, заваливают спиной на бугристую, выдавшую виды доску. Опять лязг железа – руки растягиваются в стороны, вытягиваясь в струны. Болезненный удар по голени – на них захлопывается дубовый брусок запора. Горло сдавливает широкий ошейник, запрокидывает голову назад, останавливается.

Все – зафиксированный пациент в наркозе не нуждается.

А наркоз мне сейчас не помешал бы...

– Господи наш всемогущий, молю о чудесах новых, о силах великих проявлении, о милости, о благах дарованных, о...

Я попытался сжать зубы, но куда там – воронку в рот вставили без заминки. Воронка видала виды: медь покрыта подозрительными рытвинами, будто покусанная. Не удивлен – я и сам ее частенько грызу.

Молитвы продолжают, но смысл слов до меня уже не доходит – тело и душа едино напряжены, дрожат, готовятся... А потом крик захлебывается в горле... Точнее, в воде захлебывается...

Кто бы мог подумать, что простая вода способна на такое... Ледяная струя, запущенная с высоты палаческого роста, низвергается в медный конус и оттуда горной рекой врывается в мою многострадальную глотку. Затапливает пищевод, желудок, бронхи и легкие. Сила гидравлического удара такова, что едва тело не разрывает. Воздух из меня выбивает весь – задерживать дыхание при этой пытке бесполезно.

Когда-то доводилось слышать, что смерть от воды приятна и безболезненна. Если встречу этого болтуна, то утоплю в кипятке, предварительно сняв кожу.

А снимать буду медленно, мясо солью присыпая...

Я это на второй день пыток придумал: умолять, рыдать, стискивать зубы – все бесполезно. А вот если представлять, как мучаются мои недруги – давние и нынешние... Немножко легче становится.

В глазах темнеет... Неужели сейчас все закончится?! Неужели потеряю сознание и хоть немного смогу отдохнуть?!

Размечтался – я в руках профессионалов. Рот освобождается, доска наклоняется, переворачивается. Тело, повиснув на заломленных руках, корчится в судорогах, содержимое желудка и легких хлещет на грязный пол. Льется изо рта, из носа, из ушей. С трудом, будто через вату, слышу обрывки слов главного мучителя. Спрашивает что-то? Да какая разница, все равно день только начинается, и страдать мне предстоит до самого вечера. Сознание потерять не получилось, но, может, получится сдохнуть?..

Попробуем...

Через боль в глотке и груди выдыхаю поток отборных местных ругательств (спасибо, Тук, – хоть чему-то у тебя научился). Затем перехожу к вещам посерьезнее: угрожаю выпотрошить тех драных коз, что родили моих мучителей. Ведь не должны рогатые сожительствовать со свиньями – от подобных извращений рождаются инквизиторы и черви, что в уборных водятся.

Червей и коз мне простить могут, но свиней никогда. В этом мире к хрюшкам отношение сложное, гораздо сложнее, чем у мусульман и евреев. Я могу прилюдно надругаться над всеми церковными святынями – подобное преступление считается на порядок безобиднее громогласного подозрения в родственных связях с погаными животными.

Ну! Давайте! Вперед, ребята! Тащите свою медную клизму! Без передышки я второй сеанс «терапии» не перенесу – сил ведь совсем не осталось. Если не сдохну, то точно отключусь!

Оплеуха слева – кого-то мой монолог огорчил.

– Урод! Это ты что – бьешь так?! Это папа тебя научил так бить?! А хрюкать он тебя не научил?!

Опять оплеуха. От души врезали – мозг едва в черепе не кувыркнулся. Но не везет, сознание не теряю.

– Стоять! – Монах повысил голос.

Это он мне или кому? И как, интересно, я встану?!

Не мне.

– Сапоги тащи! Обувайте изменника!

– Но господин инквизитор! Тяжкие увечья дозволяется делать лишь под надзором королевских согладатаев, по приговору суда не ниже городского! А суда сегодня уже не дожидаться, только завтра получится собрать, если сейчас в управу сбегать! Там ведь через канцелярию все делается, а это дело небыстрое.

Чудеса – один из палачей обрел голос. Спокойный, рассудительный – никогда не подумаешь про такого, что он способен обидеть столь замечательного человека, как я.

– Ты оглох?! Или поганцу помочь вздумал?! Отвечай!

– Что вы! Как такое подумать на меня могли! Просто порядок такой!

Голос изменился: теперь взволнованный, с плохо скрываемым испугом.

– Здесь – я порядок! И я велю: тащи сапоги!

Понятия не имею, что за обувь здесь обсуждают, и вообще мало прислушиваюсь, наслаждаюсь отдыхом, все еще пытаюсь продышаться. Сутками висеть на стене в вертикальном положении – не шутка, после такого и на мокрой доске лежать в радость. Долго расслабляться не дают. С ног убирают деревянный запор, но взамен ступни заковывают в нечто металлическое и тесное. Разглядеть «обновку» не могу, но понемногу начинаю беспокоиться: похоже, инквизиторы решили применить нечто новенькое. Не верю, что мне это понравится, до сих пор они ни разу не делали ничего приятного.

– Изменник рода человеческого, в последний раз говорю тебе: поведай тайны свои без всякой утайки. Ты все равно их поведаешь, но только с болью великой.

Вот и началось. Садист наконец перешел к тому, что его интересует по-настоящему: он ведь пытается меня не только из альтруистических побуждений. Голос инквизитора слащаво-многообещающий. Когда он так пел в последний раз, мне потом под ногти деревянные клинья начали загонять.

– Да что вам от меня надо!!! – ору, пытаюсь затянуть время, – ведь ответ знаю прекрасно.

– Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена своего. Нам надо знать, как вы делаете сердца погани для лечения и усиления своего пригодными и как сами не перерождаетесь, свежими их приняв на тело свое. Ты принял сердце и до сих пор не стал тварью – значит, способ такой тебе ведом. Поведай его мне, и я позабочусь о спасении твоей души. А если опять лгать начнешь, то с криками жалеть об этом будешь! Говори.

И рад бы ему ответить, но – что? Я как в том анекдоте про схваченного разведчика: под нечеловеческими пытками героически молчу, не выдавая военную тайну. Он по глупости своей тайну не знал – учился плохо; а я ее вообще не могу знать.

Вздыхаю, обреченно отвечаю чистую правду:

– Не знаю я тайн ордена. Устал повторять: я не страж! Я самозванец! Меня приняли за стража, там, на побережье, и я не стал этого отрицать! Не знаю я ничего про сердце! Не знаю я, каким способом мои раны вылечили! Помню, что мечом меня ударили несколько раз в бою у брода, и все – дальше ничего не помню! Хоть жгите, хоть вешайте – не скажу ничего! Потому что не знаю!!! Вы не за того меня принимаете!!! Я не могу рассказать ничего!!! Не могу!!! Откуда самозванцу знать тайны ордена?!

– Ты все скажешь, – очень уверенно говорит инквизитор и коротко командует: – Левый на четыре оборота.

Вот теперь я понял, куда угодили мои ноги – в хитроумные тиски. И сейчас палачи начали их завинчивать. Ступню сдавило сразу с четырех сторон, загибая пальцы к пятке и одновременно сжимая с боков. Суставы затрещали, в ожидании болевого взрыва тело напряглось, выгнулось... я даже дышать перестал.

– Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей полуденных. Поведай, пока не стало поздно!

– Да не страж я!!! Не знаю я никаких тайн!!! – почти рыдаю, понимая, что слова здесь бесполезны – даже соврать правдоподобно не получается... пробовал уже.

– Левый на пять оборотов.

Сегодня не мой день, сознание потерять не получилось. В глазах – тьма, расцветиваемая цветными разводами и мириадами искр, во рту солено, глотку режет от перенесенной водной пытки и нечеловеческого крика, но все равно в спасительную тьму не ушел. Прочувствовал все...

– Изменник рода человеческого, слышишь меня?

Ничего не вижу и почти оглох от собственного крика. Боже, как же больно! Хрена с два я вам отвечу, лучше думайте, что не слышу. Все равно отвечать нечего...

Увы, с этими ребятами номер не проходит.

– Правый на четыре оборота.

Теперь вторая ступня напряжена, а про то, что осталось от первой, и думать боюсь. Не ощущаю там ничего, кроме монолитного сгустка нестерпимой боли.

– Изменник рода человеческого, а сейчас слышишь меня?

– С-слышу... – вот попробуй не ответь таким настойчивым.

– Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей. Поведай, а то ведь и вторую ногу ломать придется. Тяжек твой грех, и лишь в покаянии искреннем спасение обрешь. Начни свое покаяние с малого – поведай про тайну стражей.

Я, наверное, уже полная развалина. Десятки раз сломлен непрекращающимися пытками; голодный и не выспавшийся; потерявший всякую надежду на выход из этого мрака. Но даже у развалины есть право на протест или на последний плевок в лицо. Бесполезно молчать, бесполезно отвечать, не осталось у меня больше никакой надежды. Выхода нет. Так что хватит умолять или оправдываться, остается лишь ругаться. Другого способа для выражения недовольства мне не оставили...

– Хорошо, – начинаю «каяться». – Начну с того, что я, будучи голодным, зарезал твоего родного папашу и сделал из него жаркое на углях. Я не людоед – ведь папа твой был боровом. Боров, если кто из присутствующих вдруг не знает, это свинья мужского пола. Их кастрируют, чтобы пожирнее и поласковее были. И вас, свиней, я тоже прирежу, обещаю. Завинчивайте свой валенок побыстрее, хоть все кости переломайте, но я все равно до вас доберусь. Слово даю! Как тому солдату дал, который без причиндалов остался. Он ведь тоже думал, что в полной безопасности за крепостной стеной, а теперь поет фальцетом. Вот и вы у меня запоете...

– Правый на пять оборотов.

На этот раз повезло: сознание наконец смилостивилось, погрузилось во тьму.

* * *

Сознание я в последнее время теряю нередко, и еще в первый раз узнал, что оно лишь от боли передышку дает. В остальном отдохнуть не получится, проблемы у меня возникают даже в небытие. Вот такой я невезучий... Если как нормальный человек засыпаю, то и сплю нормально (правда, недолго – не разрешают, да и неудобно на холодной стене этим заниматься); а если инквизиторы перестарались, то приходит очередь новых неприятностей.

Вдруг произойдет чудо и я выберусь из этого подвала, то трудно будет диктовать Зеленому отчет по проблемам, с которыми теперь сталкиваюсь после потери сознания. Не потому, что попугая еще найти надо, если он жив остался. Просто нет слов.

Темнота. Нет звуков, нет запахов, нет ничего. И есть ощущение, что где-то когда-то я это уже видел. Но где – не вспомнить. И еще кое-что – неприятное чувствую, что рядом, в считанных миллиметрах, разверзлась бездонная пропасть. Хотя про миллиметры я загнул, расстояний здесь тоже нет.

Зато здесь, в этой пропасти, есть кое-что другое.

Он и она? Или оно? «Что» или «кто»? Без разницы – ЭТО не обидится, даже если штопанным презервативом его назову... если вдруг сподобится на общение. Пока что такого не случилось, наши диалоги к полноценному общению отнести трудно. Поначалу вообще без информационного обмена обходилось – он будто прессом давил из своей пропасти. Вытряхнуть из тела хотел. Уж не знаю, что со мной сотворили епископ еретиков и Арисат, но инквизитор, похоже, в чем-то прав – к гибели души путь открыли. Я человек не сказать чтобы сильно уж верующий, но точно знаю, что душа существует. И ее даже пересаживать можно в другие тела. Если так, то и выгонять из них, наверное, тоже можно. И вот этот некто, который в пропасти занял позицию, и решил выгнать.

Не обломилось ему ничего. По простой причине: он столкнулся с профессиональным захватчиком тел. Ну или не совсем с дилетантом. Опыт бесплотного существования и захвата организма у меня имелся, когда сюда забрасывали, потренировался. Не помню сам процесс, но, наверное, это все же помогло... И не помню деталей нашей битвы, видимо, подсознание бережет хрупкий разум от опасных воспоминаний, но точно знаю, что победил тогда. И все – сидит теперь этот некто в своей бездне тихонечко.

Но стоит мне потерять сознание, как сразу высовывает нос и жадно принюхивается, будто все еще на что-то надеется.

– А не пошел бы ты отсюда вон! – Я решаю начать новую попытку диалога.

Все равно здесь общаться больше не с кем, да и делать нечего, а опыт подсказывает: чем дольше продержусь в темноте, тем больше отдохнет истерзанное тело. Ночью застенки инквизиции не работают, так что дневные часы надо убивать любыми доступными способами. Отдых мне очень нужен, у меня его, по сути, уже несколько месяцев не было. С того самого дня, когда узнал о медицинском приговоре. И выходных тоже не было...

Молчит. Ну и ладно, не очень-то он мне и нужен... Займусь обдумыванием сложившейся ситуации. Хотя что здесь можно обдумывать: в заднице я – такой же бездонной, как эта непонятная пропасть. И выхода из нее не наблюдается.

Вот мы и подумали...

– Ресурсы тела на исходе.

Если бы в этом состоянии можно было вздрогнуть, то быть мне со сломанной от сильного рывка спиной. Как всегда неожиданно и как всегда не в ответ на вопрос, а нечто свое выдал.

Ну что ж, не хочет обсуждать тему «пошел вон!», значит, поговорим о том, что ему интересно.

– И что ты этим хотел сказать?

– Тело истощено; ресурсы ограничены; попыток обновления ресурсов не зафиксировано на длительном временном промежутке.

– Спасибо! А я и не знал! Меня уже целую вечность не кормят, а попить удастся только во время пыток водой. Оказывается, тело от этого истощается. Надо же, сколько новостей ты сегодня выдал...

– Тело серьезно повреждено. Расход ресурсов при глубокой регенерации максимален. Без обновления ресурсной базы они истощаются. В случае если тело не получит ресурсы, глубокая регенерация станет невозможной. Отказ первичной и поддерживающих систем. Некроз отклю-

ченных участков. Необратимые процессы. В настоящий момент ресурсы на регенерацию изыскиваются из резервов второстепенных и первичных систем организма. Они на исходе. Надо обнаружить ресурсы и начать их обновление, иначе тело получит необратимые повреждения. Деградация мышечной ткани. Некроз. Необратимая порча тела.

– И чего это ты так о теле моем заботишься? А?

– Тело ценное. Тело представляет повышенный интерес. Тело имеет подключение к биологическому банку данных. Происхождение банка данных неизвестно. Также имеется чужеродность неустановленной природы. Имеется сбой информационной матрицы. Подключение имеет ценность. Происхождение банка данных представляет интерес. Интерес может привести к ценности. Причины сбоя интересуют. Ценность тела – причина моего нахождения здесь.

– То есть ты здесь специально меня караулишь?

– Терминология неверна. Существовать в одиночку; наблюдать; находиться автономно, в отрыве от основного канала. Перспектива подключения к биологической базе данных. Перспектива имеет информационную ценность. Без тела перспективы не существует. Для сохранения целостности ценного тела необратимо сняты все блокировки симбиотической системы. Работа системы неконтролируема вследствие снятия блокировок. Необходимо в краткосрочной перспективе найти ресурсы для включения механизма обновления. Это первичная задача.

– Тебе тело мое надо спасти? Так?

– Сохранение целостности. Сохранение канала подключения информационной матрицы. Последующая блокировка сбойной информационной матрицы. Замена симбиотической системы на аналогичную систему с неизменными настройками и стандартными блокировками.

– Мое тело в данный момент пытаются. Ломают кости. Я так понимаю, мои новые способности, вызванные нашим с тобой знакомством, могут легко справиться с этими повреждениями, но для этого телу нужно полноценное питание. Если его не кормить, то, залечивая травмы, оно пожирает само себя. Так?

– Терминология некорректна. Использование материала второстепенных и резервных систем. Использование резервов прочности основных систем. Блокировки сняты. Симбиотическая система работает в состоянии критического разгона. Нестабильность. Невозможность контроля. Необходимы ресурсы.

– Я к стене прикован. Цепями железными. За руки. Ногами еле-еле до пола достаю, причем ноги тоже скованы. Кормежка здесь не ресторанная, да и пытаются иногда. Точнее – каждый день. Не сегодня, так завтра резервы уйдут в минус, и останешься ты без перспектив на подключение к этому загадочному каналу биологических данных. Так что давай объясняй: как мне выбраться из этого веселого подвала?

– Нехватка данных. Отсутствие возможностей для воздействия на ситуацию. Контроль над симбиотической системой утерян безвозвратно. Следствие постороннего воздействия на систему. Для осуществления воздействия на ситуацию необходим доступ к телу. Для поиска решения необходимо предоставить доступ к телу.

– Ага! Вот возьму и прям все предоставлю! Щас! У прабабушки столетнего ишака доступ к телу проси. Дурак здесь только один, и это не я!

– Нехватка данных. Необходима дополнительная информация по прабабушке столетнего ишака. Отсутствие понятийной связи. Без дополнительной информации невозможно установить контакт. Невозможность установления контакта приводит к невозможности запроса доступа к ценному телу.

Я не представляю, как мы общаемся и понимаем друг друга, но теперь окончательно осознал – загадочный «темный» не столь страшен, как кажется. Дурак он, как я и сказал. Или мы с ним слишком разные... может, он меня тоже за идиота принимает?

– Слушай, ты... А тебе не кажется, что мы друг друга временами не понимаем? Тот, кто сидел в теле Йены, общался почти нормально. Начни он такую ересь нести, его бы в четверть секунды разоблачили. Я думал, что это ты и был, ведь сердце черное мне от нее досталось, как понимаю. Но теперь вот думаю, что не было там тебя. Она говорила нормально, а не так. Но тогда откуда ты вообще взялся?

– Блокировка информационной матрицы. Стандартная симбиотическая система с активными блокировками. Слепок матрицы, как маскировочная функция. Второстепенные функции матрицы, как средство усиления маскировки. Знание биологических и социальных особенностей вида, как средство усиления маскировки. Тело имело ценность. Особые функции. Исследование причин возникновения редких функций – задача исследования. Контроль за локальной популяцией носителей – вторичная задача. В локальной популяции возможно развитие редких функций за счет механизма наследственности. Задача исследования не выполнена. Сбой маскировочной оболочки. Дестабилизация блокирующих систем, вызванная агрессивным внешним воздействием неизвестной природы. Нарушение контроля. Потеря тела. Вторичная задача не выполнена. Популяция покинула контролируемую зону. Повреждение симбиотической системы. Повреждение системы связи. Некорректная смена носителя. Обнаружена новая цель. Ценное тело. Тело находится в деструктивной обстановке. Возможна потеря ценного тела. Потеря ценного тела сделает исследование невозможным. Вынужденное отключение блокировок. Разгон симбиотической системы. Исчерпание резервов. Необходимо найти ресурсы. Рекомендую предоставить доступ к телу.

Нет, не может это создание быть настолько глупым. Так ловко всех дурачило и вдруг превратилось в тупой компьютерный автоответчик. Не понимаю я его, а он меня. Думаю, система перевода, так выручившая поначалу в этом мире, сейчас дала сбой. Переводить переводит, но некорректно, вроде того же компьютерного переводчика, причем не самого продвинутого. Столкнулась с чем-то настолько чуждым, что начала чудить. Будто с перегревшимся роботом из дешевого фильма общаюсь.

– Похоже, мы друг друга не понимаем...

– Видовая система коммуникации работает некорректно. Каналы связи нестабильны. Конфликт образов и понятий...

– Это я уже понял.

– Необходимы ресурсы...

– И это понял!

Молчим. Поговорили, и хватит. Диалог, при всей его примитивности, наводит на размышления, но размышлять не хочется. Конечно, интересно разузнать о голосе из пропасти побольше, вот только ситуация не располагает. Мне сейчас о другом думать надо. У меня молодое здоровое тело, получившее полезное дополнение, легко переносит даже очень тяжелые ранения. Я фактически умирал, но тем не менее выжил, а от ран, похоже, и следа не осталось. Хотя не уверен, может, на фоне пыток такие мелочи не замечаю. Я почти бронированный робот, но гнию здесь заживо.

Надо что-то придумать... Что? Порвать цепи? Загипнотизировать инквизиторов? Прорвать стену затылком? Что?! Думай, Дан! Думай!

Подумать не дали – очнулся.

* * *

Глаза открывать не хотелось, да и не стоит этого делать, если тебе в лицо водой брызгают, а воду здесь не всегда для хорошего применяют.

– Сейчас, ваша милость, очнулся уже почти.

Голос знакомый – того самого разговарившегося сегодня палача.

– Да он сдох, похоже.

А этот голос вообще не знаю: уверенный в себе, презрительно-брезгливый. Так бы говорила жаба, вырасти она до размеров лошади.

– Не, он живучий. Его хоть пилой распиливай – не помрет. Это же страж, да еще и сердце черное получивший. Видели бы вы его раны, когда к нам попал, – печень со спины усмотреть можно было. А сейчас и следа от той раны не осталось – лишь шрам розовый.

– Вижу я, что новые отметины у него появились.

– Так ведь это дознание – без такого никак. Все равно заживает быстро. Вон, на руке левой ногти вырвали, а они уже заново начали расти.

– А ноги ломать кто разрешил? Такие увечья дозволяются по приговору светского суда, а не церковного. И где светский суд? А?!

– Ваша милость, я ведь человек подневольный. Что господин инквизитор говорит, то и делаю. Вы уж у него спросите, кто на подобное разрешение давал.

– Без тебя знаю, у кого и что спрашивать!

– Простите, ваша милость!

– Совсем обнаглели! Здесь вам не империя – здесь калечить только король право имеет или слуги его, по слову королевскому! Без суда даже вам это не позволено! С Цавусом мы разберемся, но и сам в кустах не отсидишься – знал ведь, что не дозволено, но делал.

– Не губите! Ваша милость, это он приказал!

– Да не хнычь бабой, давай расшевеливай его! Вы это умеете, паскудники подвальные...

Грубые ладони энергично растерли мои уши, пощипали мочки, а затем к носу поднесли что-то настолько едкое, что до пяток пробрало.

Пришлось открыть глаза и тут же зажмуриться вновь. Подвал был освещен просто по-праздничному: двое мужиков в кожаных доспехах замерли с факелами у двери, суетливый палач со светильником в руке тычет вонючую тряпку в нос, и еще три светильника по углам развешаны. Лишь один из присутствующих не участвует во всей этой иллюминации: дородный коротышка с тройным подбородком, стоящий рядом с мучителем. Одна рука на рукояти кинжала в богато инкрустированных ножнах, второй гордо подпирает раздутую поясницу. Приодет так, что сэр Флорис, ныне покойный сюзерен бакайцев, в своем лучшем прикиде на его фоне казался бы обитателем помойки. Куда ни плюнь, или в меха попадешь, или в позолоту, или в стразы.

– Ваша милость! Очнулся! Я же говорил, что ничего ему не станется! – Палач проговорил это с нескрываемой радостью.

– Без тебя вижу. Ну и как мы его теперь забирать будем?

– Чего? Как это – забирать?

– Как забирать?! Ты болван, что ли? Не знаешь, как забирают?! Берут и забирают!

– Но инквизитор...

– С твоим инквизитором разговор особый будет! Позже! Как и с тобой! Сколько этот еретик у вас провисел? А?!

– Так мне это неведомо, я дни не считаю, да и ни к чему это мне по службе знать.

– Вот за глупость кнута и отведаешь! Некоторые вещи знать надо обязательно! Вторая неделя давно уж пошла, как он у вас закрыт, а обвинение суду до сих пор не предоставлено. Ни слова о нем вообще, будто не было такого человека. Не говоря уже о том, что членовредительством здесь без судебного соизволения занимаетесь. Раз так, то теперь он суду переходит, и уже суд, именем короля, решать будет. И скажи мне, морда тупая, как он теперь пойдет на этот суд? На сломанных ногах. А?!

– Так надо подождать, пока заживут, на нем все быстро заживает. Да и ломали мы с умом – аккуратно и бережно.

– Ну и придурок же ты! Так! Бери моих солдат, хватайте этого обломыша и тащите. Там во дворе тележку видел – вот на ней в темницу королевскую и отвезете.

– Так это, надо бы дозволение инквизитора получить.

– Инквизитор, что ли, самолично тележкой распоряжается?! Бог ты мой! Да что ж такое у вас на тележке этой возят? Алмазы? А?!

– Мусор из камер и дерьмо в подворье золотарей свозим, ниже по улице.

– Морда твоя лживая! Не рассказывай, что без инквизитора к этой вонючей колымаге прикасаться нельзя! Если ты еще раз попробуешь что-нибудь не то вякнуть, то прокатишься на ней сам. В то самое подворье или даже в ров городской. Дело уже к вечеру идет, меня ужин ждет, а я здесь с вашим идиотизмом разбираться должен.

– Понял, ваша милость. Сейчас только в колодки его закуем и отвезем в целости и сохранности.

– В колодки? И ты всерьез думаешь, что он способен сбежать?! И где только инквизиторы таких болванов находят...

– Не знаю, способен или нет, а Барука он третьего дня, когда тот ему ноготь сорванный варом замазывал, так за ладонь ухватил и рванул ловко, что запястье сразу переломал. И это в беспамятстве. А в памяти что сделать может, так и страшно подумать... Силищи в нем, как у пары быков. Сердце черное не шутка, в Империи за одно прикосновение к нему на сухой кол посадить могут, а ведь это неспроста. Кнут со свинчаткой по такому делу как благо принимают. Легко, стало быть, отделался.

– Здесь вам не имперская земля, здесь у нас народ не трусливый и все всегда по закону делает. Ну а кто не делает, того мы... Пошевеливайтесь, беременные слизни. Мой ужин стынет! Я, если холодное ем, злюсь очень, а когда я злюсь, то нехорош делаюсь. Так что не стой с разинутым ртом!

Глава 2

От перемены кутузок кое-что меняется

На Земле мне доводилось много на чем покататься: на сверкающих «Мерседесах» и ржавых «копейках»; на грузовиках и велосипедах; на реактивных самолетах и старом вертолете; и даже на дорогой яхте. Здешняя цивилизация до машин еще не додумалась, и я натирал зад о седло, раскачиваясь верхом на дорогом боевом коне; отлеживал спину на жердевом тележном дне; на бревне сухом одиссею неслабую совершил по морю – тоже своего рода транспорт.

Я видел залитые светом мегаполисы Земли и ее теплые моря с пальмами по берегам; здешние лесные поляны, окруженные смертью, и реки, окруженные тем же самым. Сегодня я впервые увидел город чужого мира. У меня не было «Мерседеса» или боевого коня, а продвижение по узким сумрачным улочкам менее всего походило на парад триумфатора. Тележку тянули два палача, в честь торжественного случая оба позабыли про игру в молчанку и матерились столь профессионально, что окажись здесь Тук – покраснел бы. Запах от повозки шел специфический, не оставляя простора для размышлений о ее основном предназначении. Почетный эскорт, в количестве трех низкорослых солдат, лениво переругивался с прохожими, ничем более не мешая им метко в меня плеваться.

Похоже, весь город собрался «оказать честь» презренному колоднику. Будь это настоящий мегаполис, я не удивился бы. Но где в этих двух- и трехэтажных серых домишках столько людей размещается? Или мы на самой оживленной улице, что, учитывая ее убогость, вряд ли; или же со всех окраин ради меня сбежались. Скорее, последнее – проезд столь узкий, что крыши почти смыкаются, скрывая мостовую от солнца.

Тележку трясло немилосердно, видимо, под колесами была неровная брусчатка. Клясться в этом не могу – лежу на спине, и подвижность сильно ограничена парочкой досок, меж которых просунуты руки и голова. Те самые колодки: простенькая конструкция, но на удивление эффективная, даже со здоровыми ногами в побег не уйдешь, а уж без них...

С ногами совсем плохо. Инквизиторские палачи позвенели цепями, почесали затылки и отказались от идеи использовать кандалы. Да и без них понимаю, что от танцев пока придется отказаться. Зато почти не болят, только ноют противно и одеревенели.

Остановились. Палачи и солдаты хором заругались на кого-то, требуя немедленно открыть ворота. В ответ их обматерили не менее профессионально и, судя по звукам, все же завозились с запором. Особо обнаглевшие зеваки воспользовались сумятицей и подобрались поближе. Склонилась пара рож, одна сочно плюнула мне в лицо, вторая горячо прошептала в ухо:

– Крепись, брат! Не поддавайся псам смертных! Черный владыка уже рядом, Ортар вот-вот падет! Недолго нам терпеть осталось!

Что он несет? Или у меня бред начинается?

Опомнившиеся солдаты прекратили перебранку, мотом и древками копий отогнали народ. С противным скрипом раскрылись невидимые мне ворота, тележка медленно развернулась, чуть проехала, остановилась.

– Что за принца в золоченой карете вы притащили?! – Опять незнакомый голос.

– Приказ его милости, барона Каркуса. – А это уже голос моего палача. – Приказано к вам его привезти, запереть к колодникам в камеру.

Тот же незнакомый голос высказал в адрес барона Каркуса длинное критическое замечание, из которого в порядочном обществе допустимо произносить лишь точку в конце предложения. Палач в долгу не остался, ответил столь же брутально, после чего разгорелась очередная перепалка. Здешние хозяева наотрез отказывались принимать меня на ночь глядя, а

подручные инквизитора, мягко говоря, не горели желанием тащить назад. Пока они препирались, я впал в полудремотное состояние. Хотелось лежать и лежать на мягком тележном дне и не задумываться о материальных причинах этой подозрительнолипкой мягкости.

В себя пришел, когда меня начали выгружать. Парочка палачей без тени нежности ухватили за колодку, потащили по брусчатому двору. Ноги при этом волочились по камням, и я мог легко сосчитать все булыжники по вспышкам нестерпимой боли. На мои стоны и крики внимания обращали не более чем на чириканье вездесущих воробьев, и лишь за дверью в сумрачном коридоре один из палачей почему-то начал возмущаться по поводу моих деревянных «наручников».

Несмотря на оглушающую боль, едва не ввергнувшую меня в очередное затяжное забытие, я понял, что возмущаются отнюдь не по причине внезапно пробудившегося гуманизма. Просто колодки подотчетное имущество, и он намеревался утащить их с собой. Хозяева здешней каталажки, наоборот, стремились их замутить и наверняка впоследствии использовать для личных садистских надобностей. В ходе разбирательства меня вообще на пол бросили, ничуть не озаботившись сбережением переломанных ног.

От боли я на некоторое время выпал из реальности и вернулся, когда колодки уже сняли. Кто-то сварливо заканючил:

– И что нам с ним теперь делать?

Палачи в крайне нетактичной форме предложили ему вступить со мной в противоестественную связь. К счастью, он оказался не настолько морально испорченным, выругался, вздохнул, позвал кого-то невидимого:

– Колодки не тащи, не поставим мы его. Помрет до утра, если опираться на раздробленные ноги придется. А спрос с нас будет – до смерти доводить указаний не давалось. Так что доставай ручные кандалы и к стене его приковывай, к колоднику.

– Так там кольца уж лет двести не трогали – проржавели небось совсем, – издалека отозвался очередной незнакомец. – Колодные кольца на потолке, там посуше, может, к ним его?

– Сбежит он, что ли?! Ты на ноги его взгляни – пальцы назад смотрят. На колодных цепях сесть не сможет, коротки они. Хочешь, сам наращивай, время трать. Только я бы плюнул, никуда он отсюда не денется. Да и стенные кольца на совесть сделаны, их и здоровый не вытащит.

В коридоре посветлело, кто-то плечистый, бородатый, нагнулся, подсветил факелом, цокнул языком:

– Ноги его собаки теперь жрать побоятся. Это где ж его так приголубили?

– В старом поповском подвале обули чуток не по размеру. Давай кандалы тащи, а то до ночи провозимся. Пиво ждать не может, забыл, что ли?

– Я про такое никогда не забываю. Волоките его, а я мигом сейчас обернусь.

Опять потащили по полу, опять боль, хрипы в истерзанных легких вместо криков и сухая резь в глазах – слезы уже не льются.

Сперва в какой-то камерке с наковальней посередине мне на руки быстро надели ржавые обручи кандалов и заковывали их, даже не подумав раскалить штифты. Рабочий день у пролетариев застенка заканчивался, и где-то в городе их ждет пиво. Господи, все бы отдал за кружечку или хотя бы хороший глоток... Хотя что я могу отдать? Ничего...

Вновь потащили по полу. Разбередившиеся травмы добираются болью уже до самой поясницы. Еще метров двадцать такого пути, и больше меня пытать никто не сможет – помру.

Остановка, лязг засова, ноги тащатся уже по чему-то относительно мягкому (хотя все так же больно). Стук молотков по железу, удаляющиеся шаги, опять шум засова. Тишина. Неужели я один? Оставили в покое? Даже не верится в такое счастье. Хочется забыться, отключиться до утра, но не время предаваться слабости, как бы ни было хреново, надо оценить обстановку.

А ведь обстановка изменилась кардинально. Если раньше она была полностью безнадежной, то сейчас...

А вдруг есть шанс на побег? Ага – выроешь ложкой (которой у тебя нет) подземный ход и на коленях поскачешь галопом... граф Монте-Кристо выискался!

Квадратная комната с массивной деревянной решеткой вместо дальней стены скудно освещается отблесками света с другой стороны. Похоже, нахожусь в одной из камер, а за решеткой коридор. Мебели не имеется – сижу на полу, прислонившись спиной к холодной влажной каменной кладке. Подо мной что-то мягкое, трогаю рукой – свалявшаяся солома. В углу темнеет нечто непонятное, вроде огромной буквы Т, легонько раскачивающейся на длинных цепях, свешивающихся с потолка.

Что-то в этом предмете мне не нравится. Напрягаю глаза, пытаюсь понять, что же это такое. И, уже почти догадавшись, вздрагиваю от хорошо знакомого голоса:

– Добрый вечер, Дан.

* * *

У меня в этом мире не так уж много знакомых, а еще меньше тех, которым я хоть в какой-то мере могу иногда доверять. Из последних стоит выделить бакайского воина Арисата и еретического епископа Конфидуса. Встретить последнего в застенке удача невероятная.

Хотя, если подумать логически, – где шансы встретить еретика максимальны?

Когда схлынула первая радость от встречи, понял, что радоваться пока что нечему.

– Епископ, что они с вами сделали? Я ничего не могу рассмотреть в этой темноте, да и со зрением неважно у меня сейчас, и не только со зрением...

– Пока что ничего. В колодки заковали и подвесили. Вот, вишу теперь, ногами потихоньку перебираю, разминаюсь. Иначе затекает все, а как отходит, болит нестерпимо.

– Расскажите же, что там было? Я про бой. Многие спаслись? Я ведь почти ничего не видел тогда.

– Не переживайте, Дан, мы победили. Хотя потрепали нас изрядно: из всей дружины с коней лишь пятерых не ссадили. Но бакайцы живучи как кошки – обязательно выкарабкаются. Убитых среди них немного. Солдаты выручили, что из крепости выбрались. Да и темные как-то бестолково дрались, а уж после того, как вы обоих баронов упокоили, то и вовсе у них вяло дело пошло...

– Обоих баронов?

– А вы не помните?! Старого из самострела своего подстрелили. Ох и сильно получилось! Болт ему забрал пробил и из затылка наполовину вышел. Когда шлем попробовали стащить, он снялся с половиной головы, раздробило ему ее. Хитрый у вас арбалет, очень хитрый. По виду и не скажешь, что у него такой сильный бой. А младшего вы изрубили – снесли ему голову с плеч мечом своим игрушечным. Но и он вас достал... сильно достал. Не будь черного сердца, вы почти мертвый уже были, кровь даже сочиться перестала... вся вышла. Не было у нас другого выхода.

– А Зеленый?! Где мой попугай?! Живой?!

– А что ему станется? Живой... Когда видел его в последний раз, он больным прикидывался, чтоб налили побольше. Пьет ваша птица, будто лошадь после долгой скачки, причем не воду.

– Где он?

– Эх, Дан, да откуда я это знать могу, здесь сидя?

– Верно... И как же вас сюда заперли?

– Когда церковная стража пожаловала, да еще и с воронами имперскими, так меня первым делом в кандалы – обычай у них меня заковывать при любом случае. А вас забрали бес-

памятным. Так хитро это провернули, что никто и пикнуть не успел. Перед этим с солдатами всех перемешали, а ополченцев и дружинников отослали подальше, дорогу, мол, проверить. В стольный град говорили нам идти, к королю, чтобы Кенгуд самолично решал дело о нашем уходе из ссылки, но при этом почему-то не торопили. Я, конечно, подвох подозревал, да только что поделывать мог... Где это вам так ноги попортили?

– В подвале вашей уважаемой инквизиции.

– Вот же Хорек!

– Не понял?

– Да я о Цавусе – святом страже священного ордена карающих. Он здесь церковным трибуналом заправляет, глава имперского воронья. Тощий, лицо будто лимон испачканный, сутулый, вечно молится при пытках.

– Да, он там за главного был.

– Вас уже успели осудить?

– Нет... Точнее, не знаю: не помню, чтобы суд какой-нибудь был. Висел все время на стене.

– Хорек... не имеет он права так ноги калечить без суда королевского.

– Что-то такое я уже слышал. Но не думаю, что у него серьезные проблемы будут из-за этого.

– Да... с воронами даже король ссориться не осмелится. Здесь, в столице, трогать их рискованно – все ведь на виду. Но зря он так. Кенгуду такое дело очень не понравится, если узнает. А он узнает – в городе ничего не скрыть. Зря Хорек на власть королевскую наплевать осмелился, ему это припомнится еще.

– Конфидус, а что это за место?

– Тюрьма городская. То крыло, где до суда держат. А что?

– Да ничего, просто всегда полезно знать, куда попал.

– Теперь знаете. А я не первый раз здесь.

– При ваших взглядах и положении удивительно, что вообще на свободе бываете.

– Да какая там свобода... Земли-то опоганенные, ссылка гиблая.

– И что дальше?

– Вы о чем?

– Что дальше будет с нами?

Помолчав, Конфидус вздохнул:

– Трудно сказать, не я ведь решаю. За что ноги искалечили? Что от вас хотели?

– Епископ, я признался во всех смертных грехах, но им этого мало оказалось. Они сильно хотели, чтобы я тайну ордена стражей выдал.

– Сердцами черными интересовались?

– Да.

– Ишь как высоко берут... Ловко... На богом забытой границе умыкнули полуденного стража, а потом в пыточный подвал его закрыли... В другом месте такое не очень-то пройдет, а в таком вот мелком королевстве – запросто. Очень уж лакомый кусочек. С вашими знаниями карающие могут сильно возвыситься. Очень сильно... У них и без того влияние побольше вашего давно уже... Вы им рассказали?

– Нет.

– Мысленно преклоняю перед вами колени. Нельзя извратителям божьего учения такое рассказывать.

– Если бы знал, рассказал, – вздохнул я и покачал головой. – Но не знаю я...

– Вас не посвятили в тайну?! Но почему вы тогда не переродились? Или... нет...

– Я похож на перерожденного?

– Нет. Но они мастера такое скрывать, а я не птица стража, нет у меня чутья на исчадия Тьмы.

– Хорошо. Давайте считать, что я перерожденный, если вам так удобнее.

– Святые защитники! Спасите и...

– Стоп! В другой раз помолитесь! Пока что сказывайте, что нам здесь грозит?

– Дан, я хочу верить, что вы старый Дан! Больше не шутите так. Пожалуйста. А что грозит... Если карающие решились на подобное, то таких, как мы, оставлять в живых им не с руки. Не дадут нам до суда дожить, суд ведь и оправдать может, особенно если Кенгуд всерьез разозлится на них за самоуправство. Когда все узнают, что Цавус велел покалечить стража полуденного, да еще не кого попало, а именно вас... Вы ведь, как ни крути, герой теперь здешний – вывели почти всех из места гиблого да еще и погань при этом хорошенько потрепали. Военные после боя почти сразу набег на Мальрок начали затевать. Замок проклятый без защиты ведь остался. Ну, или ослабла его защита сильно. С мелочью разной они легко управятся, это ведь не настоящие перерожденные. Может, и получится у них теперь очистить Межгорье. И за это вас благодарить надо – все вы сделали. Так что здесь вам почет и уважение, а с орденом вашим тоже ссориться Кенгуду не нужно, неподсудны вы. С карающими, конечно, тоже надо осторожно себя вести, вот только нет у них здесь великой власти. Не стоило Хорьку без суда увечья вам причинять. Будь вы простым мещанином или дворянином из мелких, еще куда ни шло, а страж полуденный – совсем другое дело. Нет, Дан, не выпустят нас карающие. Буду удивлен, если рассвет следующий увидим. Им надо нам быстрее рты позакрывать, пока мы жаловаться не начали на такое самоуправство. А жаловаться мы только утром начнем. Когда смотритель пройдет с обходом, покажете ему ноги и все доложите. Тут-то шум и поднимется сразу. Но сейчас вечер, и никого, кроме надзирателей, здесь не будет. Удобный момент, чтобы успокоить нас навеки.

Епископу я поверил сразу, в таких вопросах ему можно доверять безоглядно – опытный сиделец. Да и объяснил он все очень логично, в сжатой и понятной форме. Ну что ж, выход у нас один.

– Конфидус, инквизитор еще не знает, что меня перевели. Его не было при этом. Но быстро узнает... Бежать нам отсюда надо. Срочно.

Епископ смешливо фыркнул, иронично поддакнул:

– Дан, разумеется. Только сильно быстро не бегите, а то я на своих старческих ногах могу отстать, да и колодка моя цепляться будет за все углы.

– Вам на старческие немощи жаловаться рановато. Давайте без шуток. Надо бежать – и быстрее. Не знаю, как вы, а я тут подышать не хочу.

– Дан, вы всерьез думаете, что я мечтаю умереть в этой грязи от лап церковников или их подсылов? Но как сбежишь? Я закован в колодки – их не открыть без посторонней помощи. Вы в этом деле не помощник – голыми руками не справитесь, да и цепи ко мне не пустят. Даже если чудом освободимся, то все равно не выберемся: решетка крепкая, а засов там хитрый, изнутри мы его не отодвинем никак.

– А если все же выберемся в коридор?

– Да вы фантазер... Если выберемся, то, возможно, сумеем уйти. По нему, я заметил, вглубь бадейки таскают – выливают куда-то. Под такие бадейки слив должен быть широкий, а мы с вами не толстяки, в отверстие уборной как-нибудь пролезем. Попроberмся по нему в траншею для нечистот, а уж по ней куда-нибудь да уйдем. Или нагло через двери попробуем прорваться. Мне вера не позволяет людей калечить, а вам все можно. Там один или два тюремщика на ночь остаются, вряд ли больше.

– Они с оружием, а у меня руки голые. Так что без вашей помощи не обойдусь.

– Но моя вера не позволяет...

– Господин епископ, насколько я понимаю, выше вас никого у еретиков не осталось. Такими темпами ваша паства скоро останется без пастыря и совсем падет духом. Мне кажется, настало время подумать о реформе церкви. Вашей церкви.

– Дан! Да как вы можете такое говорить! Она уже век стоит на столбах истинных догм несокрушимых и...

– Епископ, я сказал – реформа! Только реформа, и все! И первым делом надо отказаться от всего, что касается непротивления злу насилием. Вреда от этих заблуждений много. Давайте будем считать, что вы уже отказались. К тому же мне помнится, что при необходимости вы очень даже хорошо умеете мечом помахать, старые навыки не позабылись.

– Дан... Будь это в прежние времена, я бы и сам со стражей разделался, но сейчас...

– Если вам так противна идея реформации, давайте вы обдумаете ее в более позитивной обстановке. А сейчас, хотя бы временно, верните себя старого – нам нужен головорез, а не трясущийся святоша. Если умрете, умрет вся ваша вера, потому что не осталось больше у иридиан лидеров. Вы – последний. А вот у карающих лидеров достаточно, чтобы додавить вашу травоядную паству. Подумайте об этом. Только долго не думайте, времени у нас немного.

Конфидус, качнувшись на цепях, изменившимся голосом, будто через силу, произнес:

– Да, вы правы. Лучше взять грех на душу, чем бросить паству на произвол судьбы. Не выжить им без меня, задавят попы вконец. – Затем вкрадчиво-заговорщицки добавил: – Стражники местные – народ хлипкий, я парочку на себя легко возьму, а больше вряд ли в дверях окажется. По молодости я, было дело, четверых раскидал руками голыми.

– Вот и вспоминайте молодость. Срочно вспоминайте.

– Ох и дураки мы с вами оба! – воскликнул епископ. – Какие стражники?! Какие двери?! Я в колодках, вы в цепях с ногами покалеченными! Куда вы собрались, да еще и меня своими глупостями за собой потянули?!

– Бежать я собрался, с вами вместе.

Епископ издал неопределенный звук, в котором смех, отчаяние и разочарование смешались воедино.

– Конфидус, не надо так нервничать. Да, у нас есть проблемы, и сейчас мы начнем их решать. Только не все вместе, а по одной – так гораздо эффективнее.

– Ну-ну...

– Начнем, пожалуй, с ног – это серьезная помеха нашим планам. Их надо срочно подлечить.

– Дан, не хочу вас сильно разочаровывать, но после железных сапог ноги лечатся небыстро и не всегда. Даже если сразу оказать помощь, не каждый раз удается их сохранить. Очень часто они вонять и чернеть начинают, и если бедолага сразу не умирает от дикой боли, то гниль доходит до сердца и тогда точно конец. Спасти можно, если вовремя отрубить их хорошим ударом топора или двуручника и культи прижечь кипящим маслом. Но если даже не загниют, то зарастают очень долго, а когда зарастут, все равно человек хромым остается. Переломов много, плохо такое лечится. Некоторые косточки в труху превращаются.

– Спасибо за информацию. Дайте мне час-два, и я постараюсь встать на ноги.

– Это как?!

– Не мешайте. Если я буду стонать или даже кричать, не обращайтесь внимания. Болезненное это дело, но куда деваться...

– Не хочу даже знать, что вы удумали. Опасаюсь, что вера моя этого не одобрит.

– Эх, мне бы поесть хорошенько, а то сил почти не осталось. Ну да ладно, пожелайте удачи, может, и хватит...

Еретик начал поспешно молиться, причем я почти ничего не различал из его скороговорки. Что-то про грешные души, Тьму и исчадий ада, грешные тела ворующих с целью после-

дующего изощренного разврата. И про муки адские за такие дела тоже что-то проскакивало. Вероятно, молился о моем здравии.

Часа два адских мук мне и без молитв были гарантированы. А может, и больше...

* * *

Я проделываю это уже не первый раз. Первый вообще произошел без моего участия: раны, полученные в битве у брода, затянулись сами собой, в сознание я при этом не приходил. Даже большая кровопотеря не помешала восстановиться. Одним из приятных бонусов после лечения загадочной спутанно-волокнуистой хреновиной, извлеченной из тела высшего перерожденного, была улучшенная регенерация. В данном контексте лучше писать слово «регенерация» с большой буквы – она того стоила.

По обмолвкам палачей выходило, что от тех ран лишь розовые шрамы остались, а ведь меня жестоко изрубили двуручным мечом. Ногти, вырванные на четырех пальцах левой руки, уже наполовину отросли. При этом я был в сознании, к сожалению, и наблюдал процесс с самого начала. Поначалу было очень больно, но уже через пару минут боль стала вполне терпимой и вскоре бесследно исчезла. Кровь перестала сочиться еще раньше. Уже через час-другой кончики пальцев начали чесаться, и уже наутро я почти позабыл про увечье. Ящерицы, отращивающие потерянные хвосты, в сравнении со мной жалкие дилетанты.

Реакцию организма запомнил во всех подробностях. Вот и сейчас она ничем не отличалась: боль быстро стихла, стопы и голени пылали жаром, начиная понемногу зудеть. Самое интересное, что интенсивностью этого жара я, похоже, мог управлять. Заметил это при разговоре с епископом. Стоит немного сосредоточиться на своих ощущениях, и странная теплота нарастает до состояния жгучего огня. Хотя на ощупь кожа остается прохладной, то есть ощущения субъективные.

У меня имелись сильные подозрения, что «температура» зависит от интенсивности процесса заживления. Стоило ее повысить, как мгновенно накатывала слабость. Учитывая истощенность тела – логично. Сил ведь почти не осталось, и увеличенные затраты энергии сказывались на самочувствии не лучшим образом.

А еще я заметил, что при управляемом «нагреве» боль возвращается. Что бы со мной ни проделали епископ с Арисатом, но состояние организма настолько плачевно, что при попытке ускорить заживление сил не хватало на блокирование болевых ощущений.

Я не мазохист, но придется сменить убеждения – нельзя терять время. Почему-то почти не сомневаюсь, что ноги излечатся и без болезненного ускорения, но сколько придется ждать? Часы? Дни? Это ведь не ногти вырванные, все гораздо серьезнее. Если Конфидус не ошибается, нас, скорее всего, еще до утра прикончат постараясь. Подкупят стражу и удавят втихаря. Или даже среди стражников свои люди есть. Судя по всему, местная инквизиция по духу ближе не к доминиканцам¹, а к иезуитам², а они ребята предусмотрительные, могли заранее подсуетиться для таких вот случаев.

Прислушиваюсь к ощущению в изломанных конечностях. Вот оно – тепло. Давай же, сильнее... еще сильнее. Вот и жар. Ох и боль – будто заново ломают! Лишь бы не отключиться, вдруг без сознания процесс замедлится? Нет у меня времени. Потом холодным обливаюсь, зубами скриплю, иногда не сдерживаюсь – стоны вырываются. Епископ в такие моменты начи-

¹ Доминиканцы – монашеский орден, в ведении которого долгое время находились инквизиторские суды.

² Иезуиты – монашеский орден, был наделен особыми привилегиями – представители его выделялись правом вести светский образ жизни, скрывая свою принадлежность к ордену. Благодаря особенностям морали, системе организации, привилегиям и неразборчивости в средствах имели большое политическое влияние.

нает молиться еще неистовее. Меня его шепот раздражает, в подвале пыточном аллергию на молитвы заработал.

Ладно, молись, иридианин, молись. Молись, чтобы кости срослись за пару часов (а лучше быстрее). Ведь если не получится, плакали остальные мои замыслы. Не уйти мне на сломанных ногах или на сросшихся неправильно.

Под кожей что-то шевелится, потрескивают кости и суставы, ступни на глазах приобретают обычную форму. Боль резко усиливается. Прибегаю к крайнему средству: начинаю неистово мечтать, как в темном переулке успешно подкарауливаю инквизитора. Цавус. Хорек. Внебрачный сын борова. Огрызок кастрированного поросенка. Свиная шлюха. Почетный минетчик нечищеного свинарника. Калолиз в рясе. Я уже рядом – готовься. Ты еще не осознал, на кого руку поднял. За полуденного стража меня принял? Ты очень сильно ошибся: бурундуки линялые, шелухой от семечек на базаре торгующие, – вот кто такие стражи. Не страж я. Я Дан – диверсант с другой планеты. Меня выбрали из миллиарда, потому что еще там я был круче всех. Я «Тетрис» шесть раз до конца проходил с завязанными глазами. Я спал, лежа на гвоздях, в потолок вбитых. Увидев мои бицепсы, Шварценеггер ушел на пенсию; меня в гараже для «КамАЗов» вместо домкрата использовали; мой член сыграл главную роль в фильме «Анаконда». Меня в секретном бункере научили бриться ногтями и плавать брассом вверх по Ниагаре с наковальней в рюкзаке. И ты всерьез решил меня слить?! Ноги сломал и рад? Так я тебя сейчас немного огорчу – во всем этом вонючем королевстве не найдется столько денег, чтобы выплачивать тому, что от тебя останется, пенсию по состоянию здоровья. Ты, некрофил пассивный, на обломках тазобедренных суставов будешь ползать, умоляя добить, но я жесток – оставлю жить. Точнее – существовать, жизнью это называть язык не повернется. А если ты не скажешь, куда подевал Зеленого... Нет, ты скажешь! Ты мне это в стихах с выражением расскажешь! И еще всем своим коллегам, импотентам однойцевым, передашь, чтобы готовили максимально большой медный таз, я им буду вас накрывать.

Господи, ну как же больно! Похоже, последние слова кричу уже вслух – на русском языке. Плевать, в этих казематах хоть на марсианском матерись – всем безразлично.

В коридоре шум. Что это? Неужели время вышло? Убивать будут? Печально: я сейчас ни на что не годен.

– А почему ты один?

Похоже на голос одного из стражников, которого я в дверях встречал.

– Не знаю, не дали никого сегодня.

– Одному не положено на ночь оставаться.

– Ну так оставайся, вместе будем.

– Губы закатай на их законное место. Меня пиво уже истомилось ждать. Так что сиди тут сам, завидуй.

– Я свое еще наверстаю. – Ох и голос у этого гада: противный, скрипучий, дребезжащий.

– Сидельцев сегодня много?

– У недоимщиков аж шестеро сидят. Тихие они, но если начнут в дверь ломиться, не слушай ничего. Утром обходчик пусть сам челобитные принимает, его для того и поставили. В левом тупике – бесноватый. Простой бесноватый – священники сказали, что он не по их части: просто головой тронулся. Били его крепко и у них, и до них, и у нас, да и закован по рукам и ногам – не шевелится. А может, сдох уже, по голове ему хорошо навалили. Хотя живучие они... Будет опять орать – пускай орет.

– Вдруг и вправду сдох – так выносить надо, пока не завонялся.

– А ты пойди к нему и проверь. Он, говорят, когда вязали, мужику руку отгрыз у локтя.

– Да иди ж ты! Вот сам и проверяй!

– Ха! А оно мне зачем надо?! В общую камеру тоже не заглядывай – там разбойных ребят набили под самый потолок. На западной дороге целую шайку повязали, добаловалось ворье.

В трактире упились, что на сорочьем перекрестке, а кто-то страже донес, ну и взяли их размо-
ренными. Работы палачу теперь на неделю, там небось половине надо ноздри рвать, а осталь-
ным пальцы резать или руки рубить. Да и повесить поближе к небесам не мешает некоторых.
Следи за ними в оба: сволота там еще та, один хитрожопее другого. В колодной парочка сидит,
но от тех вряд ли шум будет или хлопоты какие. Да и какие хлопоты от колодников? Все понял?
Ну бывай тогда – закрывай за нами.

В коридоре зашумело, залязгало, затихло. Видимо, дверь закрыли на ночь.

Епископ, не пропустивший из диалога тюремщиков ни слова, громко прошептал:

– Дан, он один на ночь остался! Удача! Эх, нам бы в коридор только выбраться!

За решеткой посветлело – кто-то неспешно топал по коридору, видимо, с факелом в
руке. Так и оказалось, перед «камерой» показалась фигура тюремщика: невысокий, толстый,
коротконогий. Подробности при таком освещении из моего положения рассмотреть нелегко,
но серьезным противником вроде не пахло.

– За что сидите, колодники? – с насмешкой поинтересовался «дребезжащий».

– Шлюху не поделили. – Епископ пояснил это столь непринужденным тоном и так мол-
ниеносно, будто неделю просидел здесь в ожидании именно этого вопроса и вообще является
непревзойденным специалистом по продажным женщинам.

Хохотнув, тюремщик уточнил:

– Тех, кто шлюху поделить не может, в колодки не забивают. Врешь ведь!

– Мы в ходе ее дележки кабак разнесли, – пояснил Конфидус.

– Так вы, я вижу, повеселиться не дураки! Если не врешь, конечно. А что хоть за шлюха?

– А ты что, господин тюремщик, всех шлюх знаешь? И новых, и старых?

– Новых, наверное, не всех, а старых – конечно. Их, бывает, за дело или просто так попы
сюда закрывают на денек-другой. Знакомимся, так сказать. – Стражник издал похабный сме-
шок.

– Ну эту, значит, точно знаешь. Имя не скажу, но на вид старая. Очень старая. Беззубая
совсем. И седая, а морда, как у тебя, точь-в-точь. Знаешь, зря ты здесь время теряешь. Платье
раздобудь, и сможешь неплохо подрабатывать, не хуже, чем она. Вы ведь будто близнецы.

– Ты, колодник, языкаст больно! Смотри, договоришься! Не поленюсь самолично пяток
плетей всыпать, а то мне руку набивать надо, в палачи думаю податься. Денег там побольше,
чем у надзирателей выходит. Так что язык свой проглоти! Молчишь? То-то!

– Молчу-молчу. Просто перепутал тебя.

– С кем это?

– Да говорят, служит у вас тут один...

– И?

– Что и? Семейное дело у них: все бабы в семье этим самым подрабатывают. Не руками.

Когда ты оживился при словах о шлюхах, так я и решил, что он и есть.

Тюремщик, сплюнув, пригрозил кулаком, хотел что-то сказать, но, не рискнув продол-
жать беседу с не по сану вульгарным Конфидусом, отправился дальше по коридору.

Епископ своим обычным, серьезным тоном тихо пояснил:

– Знаю я таких болтливых. Если не отшить сразу и грубо, то на всю ночь треп устроит.
Скучно ему одному, вот и ищет уши с языками. А разозлить его маленько не помешает – для
будущего дела полезно иногда. Дан, вы там как?

– Сам не знаю, – ответил честно. – После той шутки, что вы проделали у брода, заживает
на мне все быстро, только на этот раз сам не пойму, как там. Устал я, Конфидус, очень...

– Дан, ничем не могу вам помочь. Я даже не понимаю, что вы сейчас там делаете.

– Сейчас немного дух переведу и попробую освободиться.

– Цепи порвете, что ли?!

– Перегрызу...

Епископ заворочался и, если не обманули уши, сдавленно выругался. Наверное, обманули: не укладывается в голове, что этот почти святой человек способен на низменное сквернословие.

Глава 3

Кое-что о побегах

В силу врожденного гуманизма (осложненного воспаленным человеколюбием) местные тюремщики не стали закрывать меня в колодки. Этот агрегат, предназначенный для превращения заключенных в предмет камерного интерьера, не регулировался по высоте. Мне бы пришлось стоять, опираясь на покалеченные ноги. Заплечных дел мастера поступили проще: усадили у стены и пропустили цепь ручных кандалов через загнутое кольцом ушко железного штыря, вбитого в стык кладки. Они считали, теперь убежать из камеры инвалиду будет слишком затруднительно...

Перегрызать цепи я даже пытаться не стал, зубы от всего пережитого в алмазные не превратились. Штырь тоже чересчур крепок для них, но кое-какие варианты имелись.

Стены сырые, заплесневелые. Штырь забит меж камней давненько. Обычное железо, а значит, проржавело на совесть – условия соответствующие. Нет, сломать стержень нечего и думать, коррозия не настолько разгулялась. Но, если мыслить логически, поверхность металла превратилась в труху, что не лучшим образом отразилось на его сцеплении с тюремной кладкой.

Ушко штыря неудобное, обхватить трудно, я и не стал. Начал закручивать цепь, извиваясь на гнилой соломе, будто червяк. Поначалу дело двигалось успешно, но на каком-то этапе возникли сложности: многократно перекрученная цепь начала вести себя, будто лом пудовый, и поддаваться не хотела. Настал момент, когда, несмотря на титанические усилия, все застыло на середине оборота, и я был не в силах его завершить. Дергался, сдавленно шипел от всплесков боли в многострадальных ногах, крутил неподатливый металл до огня в ладонях, наваливался всем телом. Бесполезно...

И вдруг – есть! Поддался штырь. Чуть-чуть, едва заметно, но поддался, провернулся немного. Сильнее; всем телом; рывок; еще раз! Опять! Оборот завершен.

Расшатывая штырь, боролся с ним еще несколько минут, пока он наконец не начал проворачиваться уверенно.

Далее наступил второй этап тянуть его на себя. Выходил штырь неохотно, приходилось все так же крутиться. Время от времени он поддавался, выбираясь из стены на считанные миллиметры. Я содрал кожу на ладонях и дышал, как загнанная лошадь. Штырь, похоже, был бесконечным. Я уже вытащил его из стены чуть ли не на полметра, а он все не заканчивался. Еще рывок. Есть! Свобода! Проклятая железяка с приглушенным лязгом упала в соломенную труху.

– Дан! Что там?! – не выдержал епископ.

– Я вытащил штырь из стены. Повезло, что он проржавел сильно.

– Слава тебе, Господи! Дан, как там ваши ноги?

– Еще не знаю... погодите минуту.

Осторожно, придерживаясь за стену, я поднялся. Шатает, перед глазами цветные разводы мельтешат – совсем меня местные гестаповцы доконали. Соберись, Дан, соберись! Так. Что с ногами? В протезы превратились... Не чувствую я их от середины голеней и ниже, будто деревянные. Интересно, как дерево может так сильно болеть?

– Дан! Вы стойте! Это действительно чудо! Ноги ведь совсем сломанные были!

– Стоять стою, да только деревянные мои ноги – кроме боли, ничего не чувствую.

– Идти сможете?!

– А у меня есть выбор?

– Боюсь, что нет. Сможете меня освободить?

– Посмотрю...

Смог. Все оказалось просто. Колодки закрывались на простейший деревянный запор. Даже ключа не потребовалось. Да и зачем он, узник все равно самостоятельно до замка ни за что не дотянется.

Освободившись, Конфидус деловито изучил кандалы на своих ногах, а затем мою цепь. Особенно его привлек штырь. Покрутив его в руках, он пробормотал:

– Придется грех на душу брать...

– Вы о чем?

– Тюремщику надо бы по голове врезать, на другое сил не хватит... Ослаб я здесь, взаперти.

– А уж как я ослаб... Думайте об этом позитивно, деваться-то нам некуда. И вообще, башка у него, похоже, из чугуна, не сдохнет. Только как до него добраться?

– Это как раз легко. Вы только сядьте за моей спиной и железку эту наготове держите, чтобы я ее быстро схватить мог. В такой темноте он вряд ли поймет, что вы с места сдвигались. Сейчас позову.

Епископ опять пристроился к колодке, опустил доску. Запор, естественно, остался в открытом положении, но в потемках заметить это было нелегко. Застыв в прежней позе, громко выкрикнул:

– Эй, добрый человек! Я кое-что важное вспомнил! Подойди, будь добр!

Вдалеке невнятно забурчали, на стенах засверкали отблески приближающегося огня. Вскоре показался тюремщик, встал перед решеткой, что-то жуя, недовольно буркнул:

– Чего орешь, колодник, плетей давно не нюхал?

– Добрый человек, ты же меня про шлюху спрашивал? Про ту, которую мы с другом не смогли поделить мирно?

– Ну? – подозревая подвох, недоверчиво уточнил коротышка.

– Я вспомнил про нее кое-что.

– И что же ты вспомнил такое?

– Она была твоей мамой.

Тюремщик не стал ругаться или другими экспрессивными способами высказывать свое раздражение от полученной информации. Медленно покачав головой, вздохнул:

– Вот что за люди, пожрать не дадут спокойно! И чего ж им не сидится? Думаешь, про плети я пошутил? А не шутил я, не шутил. Я вообще шутки не люблю. Ты погоди маленько, сейчас вернусь.

– Да я не тороплюсь, – снисходительно произнес епископ. – Сочувствую тебе, парень, не повезло тебе с родителями. Особенно с матерью.

– Вот и посиди, а как вернусь, послушаю, что запоешь. А ты непременно у меня запоешь...

Дождавшись, когда тюремщик отошел подальше, Конфидус напряженно пробормотал:

– Дан, он за плетью пошел. Сейчас вернется.

– Я, может, и не выгляжу сильно умным, но это и без вас понял.

– Вы железку держите наготове, а то и впрямь плетей отведаю. Он хоть и невысок и жирком заплыл, но силенок на пару колодников хватит.

– Ты там не соскучился? – весело донеслось издали.

– Скучаю. Маму твою вспоминаю, – выкрикнул епископ. – Она веселая была и недотрогу из себя никогда не строила.

– Сейчас-сейчас... и за твою маму возьмемся. Я не я буду, если еще до полуночи ты не признаешься, что она была грязной свиньей.

– И не надейся: моя мать твоей сестрой не приходится.

Свиная тема, неосторожно задетая тюремщиком и обернувшаяся против него, разозлила коротышку до крайности. Вне себя от злости, неистово мечтая как можно быстрее превра-

тить кожу обидчика в полигон для игры в «крестики-нолики», он, прекратив разговор, рывком сдернул скрипучий брус засова, легко распахнул решетчатую дверь, сбитую из неподъемных брусьев, вошел, развернулся, потянулся к гнезду для факела. Епископ, сочтя момент удобным для атаки, поднял колодку, выхватил из моей руки штырь, бросился вперед.

Конфидусу не хватило мгновения. У тюремщика или глаз на затылке имелся, или просто чутье сработало. Не оборачиваясь, отшвырнул факел, отскочил в сторону, вслепую размахнувшись тройной плетью. Епископ взвыл от боли, рванулся к противнику, до которого, увы, оказалось слишком далеко. Цепь натянулась, а меня от рывка кинуло носом на пол. Увлечшийся еретик позабыл, что его железное оружие закреплено на сокамернике, епископа отбросило назад, и он завалился рядом.

– Ах ты, гниль! – возмутился тюремщик и совершил непростительную ошибку.

В такой ситуации действовать допустимо лишь одним способом: опрометью выскочить из камеры и максимально быстро закрыть за собой дверь. Все, никуда сидельцы не денутся. Останется дожидаться подмоги, и уже потом вразумить их методами физического воздействия.

Коротышка решил покарать нас немедленно. Подошел, размахнулся своей треххвосткой. Я, шевеля всеми когтями, подтягивал к себе штырь. К счастью, епископ его выронил при падении.

Ладонь достала до ржавого металла. Плеть сейчас пойдет вниз. Серьезная плетью – одного неуверенного удара хватило, чтобы бывшего еретика деморализовать. Так и корчился на полу, не пытаясь больше атаковать.

Отчаянно замахнувшись, я бросил штырь, придерживая цепь. Тот, по дуге пронесшись над полом, достал концом до голени тюремщика. Весу в железке было немало, скорость тоже хорошая. Позабыв про плетью, коротышка с воем присел, обхватив руками поврежденное место. Конфидус, перестав корчиться, извернулся, ухватил упавший штырь, ударил коротко ему по голове с противным стуком, скорее даже хрустом. Вой смолк, сменившись булькающими хрипами.

Откинувшись на спину, я замер, бездумно уставившись в потолок. Дышу, как загнанная лошадь. Вроде и драки всего ничего было, а как вымотался! Нервы, будь они неладны, да и устал я, очень устал.

– Дан, как вы?

– Я в норме. А вы? Сильно он вас?

– Бок задел, но одежда выручила. Ох и умеет гад бить! Больно до слез, но мясо с костей не снял. Вы сможете идти?

– Дайте минутку, дух переведу. Общайте его пока что. Оружие, деньги, ключи – все, что есть, забирайте.

– Ключи?! Да зачем в тюрьме замки, это ведь не дворец королевский.

Эх, Конфидус, да откуда мне знать, что замки на дверях в твоём мире только короли себе могут позволить? Но вслух сказал другое:

– Мало ли... все забирайте.

* * *

Долго прохлаждаться мне не дали. Так и не отдышавшись, поднялся, почуяв запах на удивление едкого дыма. Источник его обнаружился мгновенно – факел, оброненный тюремщиком. Солома на полу была свалившейся, мокрой и очень грязной, но потихоньку начала заниматься.

Подняв факел, я не стал тратить время на ликвидацию потенциального очага возгорания. Да и не хотелось подобным заниматься босыми ногами, которые и без того пострадавшие. Ничего, эта сырятина не разгорится.

– Конфидус, вы там долго еще?

Епископ, вместо того чтобы осматривать одежду тюремщика на предмет карманов с богатым содержимым, сокрушенно произнес:

– Я ему, кажется, голову проломил. Вроде бил не сильно, а... Как же так получилось? Ему помочь надо, может, и выживет.

– Да пусть хоть трижды очокурится, уходить нам надо. Нет времени на благие дела. Да и вон он: в себя приходит, таращится. Все равно мозгов нет – трещина на макушке такому не навредит.

Но епископ все равно подхватил хрипящего тюремщика, выволок в коридор, пристроил у стеночки.

– Вот... Пусть хотя бы здесь полежит, а не в соломе загаженной.

Солома хоть и загажена, но помягче каменного пола. Но спорить некогда, да и неинтересно.

Мы побежали по коридору, где неподалеку располагался выход на улицу. По обе стороны мелькали деревянные решетки других камер. Все пустые, лишь в одной у стены похрапывали несколько мужчин. Как ни примитивна местная пенитенциарная система, но заключенных по сто штук в одну консервную банку не набивают, места хватает. Или не сезон еще?

А вот и дверь. Массивная, небрежно сбита, с окованным железом засовом. С немалым усилием отодвигаю его в сторону, тяну створку на себя, затем толкаю. Бесплезно.

– Конфидус, дверь снаружи заперта!

Епископ, не доверяя, дернул, навалился на нее, лишь после этого согласился:

– Похоже, вы правы.

В дверь заколотили чем-то увесистым, с улицы приглушенно донеслось:

– Чего шумите? И что за дым из караульной тянется? А?

Замерев, мы переглянулись. Епископ, вернув засов на место, прошипел:

– Караульный еще и на улице есть! Вот ведь проклятие!

Да уж, попали. Тюрьмы – это специфические заведения, лишних выходов в большой мир не любят. В идеале имеется лишь одна дверь. Если так, то совсем плохо, прорываться через нее будет непросто. Караульный сейчас насторожен и наверняка вооружен не только плетью. Пара доходяг, один из которых закован по рукам, а второй по ногам, вряд ли справятся с таким противником.

Думай, Дан, думай! Итак, вдвоем у нас шансов мало, но если... Что там тюремщики меж собой обсуждали? Кто там в камерах у нас сидит?

В дверь опять заколотили, караульный заорал во все горло:

– Открывайте, или выломаем! Да что там у вас?!

– Он еще и не один, – выдохнул епископ.

– Конфидус, за мной! У меня хорошая идея!

Не тратя время на объяснения, неловко ковыляя, я потащился назад. Смог бы бежать – бежал, но попробуйте побегать на таких болезненных деревяшках. Эх, ноги мои ноги, потеряйте немного, обязательно отдохнете, но чуть позже.

Народ в обитаемой камере, почуяв дым и суматоху, пробудился. Доковыляв до нее, я обратился к облепившим решетку мужикам:

– За что сидите?

– Недоимщики, – коротко и малопонятно пояснил плюгавенький бородач типично крестьянской наружности. – А что это такое делается?!

Не удосужившись ответить, я поднял засов:

– Все, вы свободны. К двери идите.

Коридор уже заволокло дымом всерьез: сырая солома все же не погасла. Не иначе как от испражнений многих поколений эков пропиталась селитрой. Чихая, я переступил через слабо

шевелившегося тюремщика. Из тьмы еще одной камеры ко мне рванулась грязная тощая рука с когтеподобными ногтями. Испуганно отскочив, садистски стукнул по ней факелом, но даже боль от ожога не подействовала – лапа упрямо продолжала тянуться в направлении моей шеи. Меж деревянных прутьев серела перекошенная харя с выпученными безумными глазами.

– Не надо его выпускать! Это бесноватый! – выкрикнул Конфидус.

– У меня и в мыслях не было!.. Ну и морда у него...

– Дан, недоимщики драться не станут – не тот народ, да и вины за ними великой нет.

Очередная обитаемая камера. К решетке жметесь целая орава, не меньше десятка сидельцев. Лица у них... Морды у них... В моем мире на портретах «Их разыскивает милиция» физиономии были в семнадцать раз добропорядочнее.

Не доверяя первому впечатлению, уточнил:

– За что посадили?

– Твою прабабушку обрюхатил. – Ответ был мгновенный и непринужденный, высказан гнусаво-похабным голосом, лишенным даже намека на уважение к собеседнику.

Да, это явно те, кто мне нужен.

За спиной, вдаль, послышались сильные удары чем-то массивным по дереву – охрана начала штурм.

– Господа разбойники, на днях вас повесят. За шею. Всех, кроме редких везунчиков, которых милостиво искалечат. Слышите удары? Это дверь вышибают охранники. Их на улице двое, а вас здесь больше десятка. Решать надо быстро.

– А чего решать, мы здесь ничего не забыли. Выпусти нас, мил человек, и посмотрим, чья потом возьмет.

Разделавшись с засовом, я потянул решетку:

– Вперед, господа, пока на шум подмога не подошла.

Разбойники, возбужденно гомоня, кинулись в направлении двери. Конфидус было помчался следом, но я его грубо остановил, ухватив за воротник:

– Ваше святейшество, куда-то торопитесь?

– Так ведь вы сказали...

– Я разве с вами разговаривал? Я с разбойниками разговаривал.

– Дан, я вас не понимаю.

– Думаете, дверь откроется и нас под звуки фанфар проводят к городским воротам? Конфидус, за ней минимум парочка вооруженных солдат. Но в этом мелком городке на такой шум наверняка стража отовсюду сбежится. И настроение у них будет плохое.

– Мелкий городок?! Да это же столица королевства! Дан, я так и не пойму, что вы замыслили!

– Дверь долго не продержится. Солдаты начнут драться с разбойниками, да и недоимщикам в суматохе достанется. Каково нам будет в цепях на таком веселье? Хотите под раздачу попасть? Так что давайте не будем терять время – уходим через канализацию. Пока до всех дойдет, что случилось, успеем далеко убраться.

– Минутку, Дан!

Епископ, заскочив в каморку, где меня заковывали в кандалы, прихватил оттуда короткий молот, большие клещи и пару зубил. Предусмотрительный.

Инструментыгодились почти в тот же миг: слив для нечистот оказался слишком маленьким. Благо пол здесь был деревянный и против железа доски продержались недолго. Расширив отверстие, епископ ловко скользнул во тьму, с шумом брякнулся в воду (надеюсь, что в воду), приглушенно доложил:

– Дан, прыгайте. И факел не бросайте – здесь очень темно.

Из отверстия дохнуло столь мощным смрадом, что у меня чуть колени не подогнулись. В тюрьме пахло, конечно, не розами, но теперь я так не считал – все познается в сравнении.

Покосился на горящий факел. Боязно. Будто в метановый резервуар прыгать собрался. Как бы не рвануло.

Позади, после особенно сильного удара по двери, зазвенели железными предметами, заорали в десятки глоток. Похоже, началась драка.

Мысленно пожелав разбойникам успехов, я задержал дыхание и сиганул вниз. Посадка вышла мягкой, по пояс уйдя в нечистоты, удержался на ногах.

* * *

Взрыва не случилось, но не потому, что концентрация газов здесь была слишком низкой. Наоборот, они из подземелья вытеснили весь кислород – факел погас почти сразу. Чадаяще тлел, не освещая ничего, кроме себя. Как мы в этом смраде сразу не задохнулись, ума не приложу.

Уж лучше бы взрыв. Пусть все на воздух взлетит, вместе с городом. Весь город: с королем, тюремщиками и – обязательно – с инквизиторами. Особенно это касается Цавуса. Хорька...

Не будь Конфидуса, я сдох бы. Еретик чувствовал себя здесь столь же уверенно, как в родном храме. Левой рукой придерживаясь за стену галереи, упрямо продвигался непонятно куда. Оставалось надеяться, что он понимает, как следует себя вести в подобных местах.

Время от времени мы падали, спотыкаясь или цепляясь цепями за различные препятствия. На дне часто встречались камни и неидентифицируемые предметы; на поверхности – коряги, какие-то трухлявые доски, плавучие островки из веток и разного хлама. Один раз наткнулись на что-то, похожее на труп. Надеюсь, тело было звериным – освещения от факела недостаточно для уверенного определения.

Человек привыкает ко всему, вот и я быстро перестал обращать внимание на нестерпимую вонь. Но организм не обманешь, дышать становилось все труднее, а ноги подкашивались. Кислорода здесь и впрямь было маловато – галерея глухая, без отдушин.

– Конфидус, если мы здесь надолго задержимся, то не выберемся. Задохнемся.

– Знаю, Дан, знаю. Иду по течению. Оно слабое, но куда-нибудь да выведет. Потерпите, обязательно выберемся.

Дыхание сперло так, что в ушах начало звенеть. Факел продолжал тлеть, но света его я уже не различал. Эта канализация бесконечна. Зря я назвал столицу маленьким городом, в маленьком городе не наберется жителей, чтобы столь грандиозно нагадить.

Епископ вдруг остановился, почти без всплеска погрузился в вонючую жижу. У меня хватило сил догадаться, что он вырубился. Я на миг даже возгордился, что все еще держусь на ногах, а он нет. Затем приступил к спасательной операции: бросил бесполезный факел, нащупал на дне тело спутника, поднял, потащил за собой.

Куда идти, непонятно, но зато понятно, что долго это не продолжится, я и сам-то на грани обморока, да и лишний груз не в помощь. Бросить епископа? Ну уж нет, помирать, так вместе.

В моей ситуации вроде бы положено направляться на юг под гимн беглых урок «По тундре, по железной дороге, где мчится курьерский Воркута – Ленинград», но знать не знаю, где в этой клоаке юг, да и слова песни наверняка перевру безбожно. И вообще не до песен, если откровенно...

Все, сейчас сам упаду. Хриплю из отчаянного упрямства. Пусть вокруг меня не наблюдается морских волн, но, раз уж деваться некуда, погибать надо подобно «Варягу». И пусть я не пустил ко дну ни одного «японца», пусть сгорят последние крохи кислорода в легких, но останусь под флагом:

«...Мы теперь на свободе, о которой мечтали, о которой так много в лагерях говорят. Перед нами раскрыты необъятные дали...»³

³ Песня «По тундре».

На последней строке не удержался, упал в смрадную жижу, с трудом приподнялся и встрепенулся, ощутив на мокром лице холодящий ветерок. Не сказать, чтобы он принес ароматы цветущей сирени, но обнадежило дважды: во-первых, это явный признак связи с поверхностью; во-вторых, свидетельство бокового хода. Пока что галерея шла прямо, без ответвлений. Хотя в последнем не уверен, в этом мраке и смраде можно слона не заметить.

Идти дальше или свернуть? Сквозняк обнадеживает. Свернул.

Новая галерея была узкой – я то и дело задевал правым боком за стену, а слева постоянно цеплялось тело епископа. Надеюсь, он еще жив. Почему сам на ногах до сих пор, старался не думать, бонусам в такой ситуации надо радоваться без анализа.

Споткнувшись об очередное препятствие, едва не упал. Нет, это не камень и не коряга. Похоже на начало лестницы. Шаг за шагом, вверх, через силу, через «не могу».

Призрачный свет впереди. Звездное небо! Последние шаги, выбираюсь на поверхность. Какие-то тележки, бочки, стены вокруг. Похоже на хозяйственный двор. Людей нет, и это к лучшему, нам свидетели вообще ни к чему.

Осторожно уложив тело епископа на землю, обессиленно присел, привалился к тележному колесу. Отдых, долгожданный отдых.

Глава 4

«Я мстю, и мстя моя страшна»

Так бы и валялся до утра, бездумно таращась в стену, но благостное ничегонеделание разрушили. Епископ на свежем воздухе быстро пришел в себя и не стал предаваться праздности: заворочался, приподнялся, внимательно изучил окрестности и лишь затем тихо сообщил:

– Дан, мы в ограде золотарей выбрались, и это большая удача. Сюда и днем не очень любят заглядывать, а ночью даже за большие деньги никто не зайдет. Стена вон городская в двух шагах, а за ней кладбище старое, где еще до нашествия тьмы хоронить начали. Нехорошее место, не говоря уже о том, что вонь несусветная от всего этого хозяйства.

– Кому вонь, а мне фиалками пахнет...

– Вы правы: в сравнении с тем, что мы пережили под землей, и впрямь аромат райских цветов.

– Конфидус, вы, я так понимаю, хорошо знаете город, раз даже с владениями золотарей знакомы?

– Да, доводилось здесь службу нести, юнцом. Все, что вблизи стен, знаю прекрасно, хоть глаза завязывай.

– Расскажите тогда подробнее, что здесь и где.

– Вон стена новая, за ней то самое кладбище. За кладбищем старые валы, и не живет там никто. Там вывод из рва – грязное место. На стене дозорных много, а на валах только патрули редкие. Вон там, дальше, квартал кожевников – вдоль стены тянется, а в другую сторону, тоже у стены, сыроварня раньше была, а сейчас не знаю что. Наверное, все равно сыроварня, в этом квартале все, что есть в городе вонючее, собрали в одну кучу. Дальше, уже к центру, три здания поднимаются – видите, два из них чернеют? То, что левое, – тюрьма, откуда мы только что сбежали. За ней, чуть дальше, церковная канцелярия с темницами в подвале – там вас и держали. Но отсюда ее не разглядеть. Тот дом, что посредине, исправительный, там ночуют бедолаги вроде осужденных недоимщиков. Днем их на работы отпускают, а на ночь запирают. Ну а крайний справа, самый высокий, это обитель ордена карающих – логово Хорька. Интересно, почему они выбрали для себя самое вонючее место в городе? Думаете, чтобы к тюрьмам поближе быть? А я вот не думаю, неспроста это. Хорьки, они, знаете ли, пахнут вовсе не фиалками, привычка сработала. Дан, я потерял молот и зубила. И клещи. Это плохо – через стену и без цепей-то нелегко перебраться. Думаю, лучше всего опять спуститься в траншею и найти ход к выводу в ров. Он где-то дальше должен быть. В таких ходах решетки ставятся на выходах, но вряд ли за ними следят серьезно. Думаю, прогнили они, годами в нечистотах вымокая. Разломаем с божьей помощью. Главное, не задохнуться в этом смраде. Дан? Куда вы так устались?

– Конфидус, я мысленно прикинул, где проходит основная галерея, из которой вас сюда вытащил. Если не ошибаюсь, мы пропустили ответвление, что вело вправо, ведь в исправительном доме тоже должны быть уборные? А за ним – обитель карающих, следующий ход по правой стороне должен вывести к ней.

– Дан! Вы о чем вообще думаете! Мы в цепях и на ногах еле стоим! В тюрьме переполох, нас вот-вот начнут искать! А может, уже начали, шум оттуда доносится! А вы... Дан! Да ведь там пожар!

Я без интереса покосился в сторону продолговатой громады тюремного здания. И впрямь блики огня в паре окон сверкают, и шумят все сильнее.

– Похоже, из-за нас пожар-то.

– Дан, за поджог обычно в кипятке варят, а то и похуже чего придумывают.

– А за побег из колодок что дают?

– Лучше ночью про такое не вспоминать. Дан, бежать надо! За город! Есть у меня на западном перекрестке человек верный. Нет, не иридианин. Он в моем отряде воевал, пока руку не потерял. Собрали мы ему тогда денег, и трактир он придорожный открыл. Добро помнит, хороший человек. Поможет. Лишь бы не умер, лет пять о нем ничего не слыхивал. Дан, да прекратите вы на нору Хорька таращиться! О деле думайте!

– Конфидус, идите к своему товарищу один.

– А вы?!

– Объясните, как его найти, и я догоню. Наверное...

– Что вы задумали?!

– Я кое-что обещал Цавусу, а слово свое я держу. И Зеленого надо найти. Хорек должен про него знать. Так что придется к нему заглянуть.

– Да вы спятили! Да...

– Я все знаю! – резко перебил еретика. – И про цепи помню, и про усталость, и про кипяток, и про погоню. Хотя вряд ли кто-то рискнет повторить наш путь. Конфидус, на инквизитора я еще могу махнуть рукой, а на Зеленого нет. Кто знает, где он и что с ним. Он меня выручал не раз, и я его не брошу. Привязался к нему... Скажите лучше: у карающих хорошая охрана?

– Да зачем она им нужна?! Кто рискнет к ним лезть?! Ох я и глупец! О чем говорю! Дан, да вы будто на десять лет постарели! Еле дышите! Куда вам в драку лезть?! Потом найдете свою птицу, о себе подумайте!

– Когда найду, тогда и подумаю. Расскажите, как разыскать вашего трактирщика.

– Не расскажу! Не отпущу я вас одного, вместе пойдем.

– Зачем идти на такой риск вдвоем?

– Вы не раз выручали меня, а главное, паству мою. Да и Хорек у меня тоже не в любимчиках. Хотелось бы с ним посчитаться...

– А как же – «не обижай ближнего»?

– Я сегодня столько нагрешил, что одним грехом больше или меньше, разницы нет. Да и карающие, как по мне, вообще не люди – та же погань, если не хуже.

– По улице нам не пройти, там народ бежит...

– Суматоха. Пожар. Ох и вариться нам в кипятке!

– Под землей пройдем. Надеюсь, ход под дом действительно найдется.

– Конечно найдется. Инквизиторы простые смертные, с простыми человеческими слабостями. Гадят они как обычные люди, значит, нужники у них имеются. Ходы к ним, для удобства чистки, широкие делаются, к тому же мы в последние дни не очень-то растолстели – пройдем. Знаете, Дан, теперь я уже почти не сомневаюсь, что тьма вами не завладела. Перерожденные на такую глупость попросту не способны. Ох и удумали вы, ох и удумали...

– Отдохнули? Нет? Без разницы – нам пора. До рассвета еще далеко, но не стоит терять время.

* * *

Мои предположения оправдались – по правой стороне действительно нашелся узкий ход. Закончился он тупиком, но многоопытный епископ по каким-то лишь ему заметным признакам определил, что мы оказались точно под полом уборной. Стены отвесные, высота приличная, лестниц и веревок у нас не было. Но пара неглупых людей в состоянии найти выход из такой ситуации, и после череды падений до потолка мы добрались – очень выручил штырь на цепи.

Далее Конфидус помог мне пролезть в отверстие с неблагозвучным названием – такие принято вырезать в полах нужников. На этом этапе возникло первое непредвиденное осложне-

ние. Старый слуга, обитавший неподалеку от уборной, услышал устроенный нами шум. Вместо того чтобы перевернуться на другой бок и попытаться досмотреть прерванный сон, он, движимый воспалившимся маразмом, поднялся и, держа в одной руке свечу, а в другой – кочергу с деревянной рукоятью, направился взглянуть на источник подозрительных звуков. Застукал он меня в крайне неудачный момент, когда я окончательно еще не выбрался, а назад удрать не мог, так как за ноги настойчиво выталкивал епископ.

Кочергой по голове я не заработал. Неизвестно, о чем подумал бедолага, увидев, что из зловонного подземелья в уютный мирок спящего оплота инквизиции выбирается победитель кастинга на главную роль в шедевральной триллере «Человек-говно из ада каннибалов», но ни малейшей агрессии не проявил. Просто уронил свечу, схватился за сердце, попятился назад, уперся спиной в стену и расслабленно сполз на пол. Впечатлительный оказался.

Подняв жировую свечу, которая, к счастью, не погасла, и убедившись, что больше сортирными тайнами никто не интересуется, я помог выбраться епископу. Тот первым делом бросился к старику:

– Дан, что вы с ним сделали!

Моральные метания этого еретика начали доставать. То он рвется самолично расчленить Цавуса за многочисленные старые грехи, то трясется из-за обморочного старикана. Мне сейчас нужнее головорез, а не святоша-непротивленец, но Конфидус это отказывается понимать. Ведь умеет делать дело, когда припечет. Достаточно вспомнить последний день похода и бой у брода – рубил там за четверых.

Эх, религия, опиум для народа...

– Да я его пальцем не трогал.

– А почему он тогда без памяти лежит?

– Увидел, как я из очка выбираюсь.

– И что?

– И то! Вы посмотрите на меня и подумайте, отчего люди, увидев такое прекрасное создание в своей уборной, сознание теряют.

– Да уж... Извините, Дан, но вид у вас...

– У вас ничуть не лучше, а уж про вонь даже не хочу говорить.

– Понимаю...

– Мы болтать будем или попробуем найти Цавуса?

– Может, сперва попробуем привести старика в чувство, и он нам все расскажет?

– Если он при виде одного меня штаны намочил, что будет, когда вдвоем нас увидит?

– Ваша правда, пойдемте. Надеюсь, он очнется сам. В таком возрасте испуг опасен для сердца.

– Вы кочергу лучше прихватите... пригодится.

Епископ послушался, бормоча под нос молитвы на тему неминуемой перспективы вот-вот заработать новую порцию грехов, а я уверенно направился к двери.

Странное дело, даже ноги слушаются отлично. Болят только, но к боли привык уже. Не думаю, что мне легче стало, скорее наоборот. Организм, похоже, понял, что наступает «последний парад», и отдает все резервы. До остатка. Мне бы отдохнуть и поесть, причем немедленно, иначе отключусь, будто старик этот, и не очнусь, даже когда начнут в кипятке варить.

Коридор, распахнутая дверь. Осторожно в нее заглядываю: узкая каморка с лежанкой и какими-то длинными полками, занавешенными рогожей. Обиталище слуги. Обернулся к епископу:

– Дом какой-то странный – стены кругом загибаются. На башню похоже.

– Это и есть башня, она от старой стены уцелела. Карающие ее привели в порядок, приспособив под жилье. Думаю, Цавус наверху, но один он там или нет? У карающих все не как

у людей: то толпами в городе торчат, то никого не увидишь. Шастают по всей стране. Если у них сейчас здесь сборище, то нам не поздоровится.

– Кроме Цавуса, в тюрьме никого из их братии не видел.

– Это ничего не доказывает. Хорек просто самолично решил стражем заниматься, так что остальным без надобности к вам ходить было.

Перспектива наткнуться на толпу инквизиторов не вдохновляла, но и отступить я не хотел. Видимо, от лишений мозг начал работать с перебоями, в здравом уме я плюнул бы и на Хорька, и даже на Зеленого. В первую очередь себя спасти надо...

– Конфидус, в доме очень тихо. Если их здесь много, то, наверное, спят. Осмотрим потихоньку все.

– Проснутся, от вони нашей проснутся. – Еретик был настроен пессимистически.

Не тратя время на пустые разговоры, я принялся изучать первый этаж. Кухня, на пороге которой желудок скрутило судорогой от ароматов пищи; кладовка; чулан, забитый хламом по самую дверь; большая полукруглая трапезная, заставленная столами и лавками; запертая на замок дверь, окованная железом. Везде темно и безлюдно. Далее коридор, заворачивая, вывел к началу винтовой лестницы.

Мы направились вверх и поднялись на второй этаж. Он состоял из двух больших полукруглых комнат, заставленных низкими койками и пузатыми шкафчиками, сколоченными из небрежно оструганных досок. Голые каменные стены, узкие амбразуры зарешеченных окон, затянутые белесой пленкой, дощатые полы, серые одеяла на соломенных тюфяках. Предельно спартанская обстановка, похожая на внутренность казармы. Судя по всему, здесь обитали младшие чины ордена карающих.

Третий этаж порадовал контрастом. Здесь вообще не было перегородок – одна большая круглая комната. Вдоль стен почти сплошной вереницей тянутся шкафы из лакированного дерева, лишь напротив амбразур оставлены промежутки. Пол застелен коврами, явно дешевыми. Несколько кожаных диванов и кресел, высокая кровать под балдахином, позолоченные светильники и люстра, роскошный огромный стол, выгнутый дугой, за ним еще парочка, заставленных самыми разнообразными предметами: посуда, весы, толстенные книги, приборы для письма, шкатулки. На одном участке стена свободна от мебели, увешана холодным оружием, а окна там прикрыты свисающими шторами с богатой вышивкой. Безделушки, вазы, подсвечники, миниатюрные картины виднелись куда ни плюнь – к месту и не к месту.

Не зная я, куда попал, пришлось бы ломать голову, пытаясь понять, кто же здесь обитает – зажиточная проститутка или алхимик-гедонист.

– Неплохо Хорек устроился, безвкусно, но дорого, – присвистнул епископ. – Дан, башня пуста. Ума не приложу, куда все подевались. Хотя кое-что подозреваю...

– Вот и у меня те же подозрения. Наверное, отправились в тюрьму нас убивать.

– Наверняка так и есть.

– Давайте спустимся вниз. Надо старика связать и посетить кухню, а то очень уж кушать хочется.

– Отличная мысль! Запахи там весьма приятственные.

* * *

Приятными оказались не только запахи. Не знаю я догматов местной религии, но одно понял точно: плоть свою братья ордена карающих голодом не терзают. Да и насчет изнуряющих постов не уверен, мясным здесь явно не брезговали.

В епископе пробудился давно уснувший инстинкт мародерства. С профессионализмом бывалого наемника он за какую-то минуту обнаружил немало разнообразных деликатесов. Но не стал кидаться сразу на все, для начала попил молока. Этим же молоком обмыл руки, пред-

варительно пополоскав их в ведре с водой. Я повторил его действия. Даже умирая от голода, трудно решиться есть такими лапами.

Пока еретик наседа на сыр и балыки, я кушал сливочное масло, отхватывая его понемногу найденным на кухне ножом. Съев кусочек, делал паузу, прислушивался к своим ощущениям. После такой голодухи неосторожно слопанная пища может и убить.

Не убила. Мало того, ни малейших неприятных ощущений, один позитив. Ни рези, ни боли, ни спазмов – лишь приятная теплота и довольное урчание.

Масло, конечно, пища специфическая – один из наиболее энергетически выгодных продуктов, к тому же легко усваивающийся. Но эти свойства не объясняют, почему я после столь долгого голодания не испытывал неудобств. Или это особенность пищеварительной системы местных жителей, или что-то другое. Возможно, новоприобретенные свойства. После боя у брода во мне много чего изменилось.

– Дан, отведайте лучше ветчины. Как вы можете поедать масло без всего, противно ведь. А ветчина отменная.

– Масло для меня сейчас нужнее.

– Зря-зря... А ведь неплохо живут карающие – здесь все свежее и отменное. Странно, что при такой кормежке толстых среди них немного. Желчью, видать, исходят от злобы, вот и не идет пища впрок.

Не обращая внимания на маловразумительную болтовню жующего Конфидуса, я прислушивался к своим ощущениям и не мог им нарадоваться. В желудке будто ракета стартовала, огонь, разгораясь в районе пупка, струями распространялся по всему телу. По следам этих струй начинало приятно покалывать, будто каждая клеточка наливалась энергией. Я все еще был усталым, голодным, отупевшим от пережитого, но уже далеко не полумертвым. Пожалуй, даже готовым подраться с тем тюремщиком на равных – не спасла бы его и плетка.

Нет, со мной явно что-то не то. Как бы ни было полезно сливочное масло в такой ситуации, но скорость метаболизма оно не увеличивает. Да какая разница! Все, что со мной происходит, – к лучшему, я в этом не сомневаюсь.

Нож прошелся по дереву, подчищая последние крохи. Невероятно! Масла было килограмма полтора, и я все это умял! Самое странное, что ничуть не наелся, аппетит даже сильнее разыгрался. Что там епископ говорил насчет ветчины?

Когда и с ветчиной было покончено, я взялся за кровяную колбасу, а Конфидус начал поглядывать на меня косо. Наверное, опять подозревает во мне перерожденного. Плевать, мне срочно нужна еда, много еды.

Слабосоленое копченое мясо, молоко, паштет из рубленой печени, краюха хлеба с роскошным балыком, еще молоко. Только огурцов для полного счастья не хватает и селедки. И куда только все помещается, но желудок требует еще и еще. Остановил себя волевым усилием, я так до утра жевать мог, пока в кладовой не остались бы голые полки.

– Конфидус, надо хоть немного обмыться и цепи снять.

– За комнатой слуги видел чан для стирки, можно там и помыться. Только сперва одежду найдем, иначе толку от мытья не будет.

Найди одежду не успели. Едва выбрались из кухни, как со стороны входных дверей послышался лязг. Мы притихли, епископ поспешно погасил свечу, в тишине послышался скрип раскрывающихся створок и тут же – топот множества ног...

– Все? – Голос был знакомый, мерзкий, заставивший ладони непроизвольно сжаться в кулаки.

Цавус!

– Да, брат, теперь у каждого есть меч и кинжал. Но, может, надо и кольчуги поддеть? – А этот голос незнаком, но не менее мерзок.

– Два колодника обессиленных, без оружия. У стража ноги покалечены. Зачем вам кольчуги, они только замедлят будут. Отсюда до старых валов надо все осмотреть, да поживее. Далеко они уйти не могли. И смотрите с разбойниками их не перепутайте. Немало их разбежалось из-за тюремных ротозеев! С нами Бог, братья. Я буду за вас молиться!

Стук закрывающихся дверей, лязг замка, раздраженный крик Хорька:

– Кло! Старый бездельник! Почему я должен двери закрывать?! Чего молчишь?! Подох там, что ли?! И отчего здесь так воняет?! Дверь в уборную не прикрыл опять?!

Судя по шагам, инквизитор явно направляется в комнату слуги с целью проверки своего печального предположения. Дойти до конца не успел – из кухни выскользнул Конфидус, замер перед ошеломленным Цавусом:

– Привет Хорек, давно не виделись.

Сказано это было тихо, благожелательным тоном, а вместо точки в предложении епископ уверенно, резко, со знанием дела опустил массивный деревянный черпак на макушку инквизитора.

* * *

Сидя на роскошном кожаном диване, я лениво жевал засахаренные фрукты, запивая их мелкими глотками нежного розового вина. Рядом, в кресле, устроился епископ, который, позабыв про чревоугодие, с интересом изучал какую-то книгу. Судя по габаритам, это мог быть роман «Война и мир», напечатанный шрифтом для плохо видящих. Под потолком горела люстра на добрых два десятка ароматических свечей. К их аромату все еще примешивался смрад канализации. Несмотря на все наши усилия, отмыться дочиста не удалось, здесь баня нужна, а не деревянная лохань с холодной водой. Но с прежней вонью уже не сравнить, жить можно, так что настроение у нас повышалось с каждой минутой.

Но не у всех присутствующих оно повышалось. Третий участник нашей кампании не радовался жизни, скорее наоборот. Да и трудно радоваться в его положении. Избавившись от своих цепей (пришлось повредить заточку двух великолепных кинжалов и немного помахать разукрашенным боевым молотом), мы не стали их выбрасывать, а заковали беспамятного инквизитора по рукам и ногам, делая это крайне грубо, отчего он заработал несколько ушибов и кровоточащих ран. И нас это ничуть не расстроило.

Когда Хорек очнулся, мы пристроили его на стене и в качестве аванса с удовольствием постучали кулаками по лицу и печени, после чего временно оставили в покое – пусть немного поразмышляет над бренностью бытия. Теперь он с трудом ступнями до пола доставал, дышал с болезненным присвистом, непрерывно шмыгал расквашенным носом и косился на нас весьма неодобрительно. Не будь кляпа, небось кричал бы уже во всю глотку, обвиняя нас во всех грехах сразу. А еще он опасливо косился на зев камина, где на пылающих дровах грелись испорченные кинжалы и кочерга, что не могло не наводить на печальные мысли.

Конфидус, покачив головой, сообщил:

– Судя по этим записям, скоро сюда пожалует целая банда имперских инквизиторов. Собираются всерьез королевством заняться. Еретиков, мол, здесь слишком много, и чувствуют они себя вольготно. И чернокнижие в пограничье расцвело – сил на все не хватает. А главное, аристократы местные вообще неприкосновенны, хотя по некоторым подвал плачет давно уже. И на попов здешних обижены – в каждом графстве догмы по-своему трактуют, по всему видать, что расколом пахнет, если не пресечь. А пресечь нечем, подмога нужна. Вот и ждут серьезное подкрепление.

– И как скоро они здесь появятся? – насторожился я.

– Не знаю. Месяц. Два. Может, больше.

– Лишь бы не этой ночью. Наш друг Цавус послал всех своих братьев на поиски неких беглых негодяев, так что нам никто не должен помешать до утра.

– Да, это он правильно поступил. Пускай ищут. И еще, Дан, карающие считают, что королевство обречено. Недолго ему держаться осталось. Потеря Межгорья – первый этому признак, следом падут граница и весь юг. Вот и торопятся урвать хоть что-нибудь и обеспечить покорность беженцев.

– И что они могут урвать, если королевство погибнет?

– Люди, Дан, люди. Если погань все же победит на границе, многие отсюда уйдут. А это большая выгода, если знать заранее и быть к такому готовым. Деваться-то беженцам некуда, богатств у простого народа больших нет. Людей можно на землю поставить, закабалить, на чужбине-то прав у них не будет. А еще золото. Если взяться за аристократов и здешнюю церковь всерьез, то немало можно выдавить. И пусть с королем делиться придется, но изрядный куш все равно достанется. Когда карающие устроили очищение в Карайесе, то из десяти баронов там два-три уцелели, да и то потому, что «добровольно пожертвовали» большие средства ордену. Там, правда, делалось все под присмотром имперской армии, так что развернулись, не стеснясь. Здесь вряд ли такое получится, но все равно дело выгодное.

– Интересные у инквизиции способы заработка.

– Свою выгоду никто не упустит, а уж эти стервятники и подавно. Не так ли, Цавус? Молчишь? Дан, вы, кажется, о чем-то хотели побеседовать с нашим другом?

– Я человек ранимый, еще не оправился от разговора с его слугой. Цавус, знаете, что я сделал с этим стариком? Для начала выколол ему глаза и насыпал в них соли. Потом нарисовал у него на груди крест – раскаленной кочергой. Потом...

– Дан, умоляю, не портите своими неаппетитными рассказами красоту момента. Вино здесь недурственное, не надо мне мешать прочувствовать букет.

– Ладно, не буду. Цавус, ваш слуга до сих пор жив. Я ведь не убийца. Я спросил его всего лишь один раз, один маленький вопрос задал. И что он мне ответил? Он ответил: «Не знаю». Очень хорошо подумайте, что стоит говорить, когда я вытащу кляп. Не сомневаюсь, что у вас из глубины души рвется много самых разнообразных слов, но еще раз намекаю – подумайте, прежде чем произнесете их вслух. Я, мягко говоря, не питаю к вам теплых чувств. Попадись вы мне сразу, еще там, в вашем пыточном подвале, порвал бы ногтями и зубами. Без разговоров. Сейчас остыл я, да и размяк от усталости и пищи хорошей, но злость ведь никуда не исчезла, злопамятный я, понимаете? Вижу по глазам, что уже задумались. Ну что ж, приступим.

Вытащив из пасти гада импровизированный кляп, я злобно прошипел ему в лицо:

– Где Зеленый?!

Завидев в глазах инквизитора явное непонимание, уточнил:

– Где мой попугай?

– Птица? – без особого страха, но с долей растерянности уточнил Цавус. – Птицу вашу герцог Шабен забрал.

– Надо же, сам герцог забрал! И что же мой попугай там делает?! У герцога?!

– Сэр страж, я не могу знать, чем он сейчас занимается. Последний раз, когда я его видел, он сидел в клетке, в карете герцога, а тот направлялся к себе во дворец. Нам птица ни к чему, поэтому я не возражал против того, что он ее забрал.

– Сэр страж, говоришь? Так я больше не изменник рода человеческого? В подвале вы ко мне несколько по-другому обращались.

Инквизитор хмыкнул, не проявляя ни малейшего страха. А ведь тон мой был предельно угрожающий. Невозмутимость мерзавца начала раздражать, может, и в самом деле кочергу достать и начать говорить всерьез?

– Сэр страж, зачем вспоминать тот подвал. Вы неглупый человек, я тоже не дурак, мы оба понимаем, что ситуация сейчас несколько другая. Обстановка изменилась.

– При чем здесь обстановка? Вы ведь оплот веры, на вас не должны влиять внешние обстоятельства. В том подвале я был исчадием ада, а здесь вы со мной беседуете будто с наследным принцем. И ни малейших следов религиозного фанатизма в ваших глазах не замечаю, и это поражает меня больше всего. Такое впечатление, что пытал меня ваш близнец.

И впрямь другой человек, даже болезненная желтизна почти сошла. Бодрячком инквизитор держится, несмотря на сложность ситуации. На фанатика вообще не похож, предельно прагматичный человек. И не боится меня ни капельки... вот ведь скотина.

Надо было сразу убить, как только увидел. А теперь чуть ли не стесняюсь безоружного и беспомощного резать. Не маньяк я. Если не считать Йены и тех перерожденных, которых у брода убил, на человека руку не поднимал никогда. Но их трудно причислить к роду человеческому.

Убил бы Хорька и что дальше? Кто, кроме него, может рассказать, где искать Зеленого?! А резать все равно придется, в живых такого врага оставлять нельзя...

– Сэр страж, у меня нет брата-близнеца. Понимаете, там, в подвале была просто работа. Живой страж в такой пикантной ситуации – удача для нашего ордена неслыханная, я не мог не использовать это. Думаете, мне приятно было? Да расскажи вы секреты полуденных, я бы немедленно все прекратил. Лучшая еда, лучший врач города – все для вас сделать готов был. Я же не виноват, что вы решили запирайтесь до конца! Здесь позиции нашего ордена не слишком сильны, так что время работало против меня, вот и пришлось идти на крайние меры. Прошу прощения, что так с ногами вашими обошлись, но все не настолько страшно, как кажется. Винты до конца не закручивали, через пару месяцев все бы зажило. С годик похромать, и все можно забыть. А вам и года не понадобилось – скачете, будто жеребец молодой. Знаете, там, в подвале, я подумал было, что вы и впрямь тайну стражей не знаете, и вообще... Но нет, не прав был! Только страж, причем далеко не последний страж, может за день переломы излечить и не выдать тайну под такими пытками. Восхищен вами и горжусь знакомством! Вы очень непростой человек и, подозреваю, не последний страж в вашей иерархии. Совсем юны, а столько достигли. Мне, право, жаль, что вам пришлось столько выстрадать. Не стоило запирайтесь и молчать, вы ведь нам попросту выбора не оставили.

Ну и фрукт этот Цавус! Меня выставляет виноватым в том, что меня же пришлось пытать! Надо срочно его заткнуть, а то епископ уже на массивную вазу поглядывает, явно намереваясь разбить ее об инквизиторскую голову. Рано убивать, он еще ничего не рассказал толком.

– Не уклоняйтесь от темы. Мы говорили о Зеленом.

– Но я же ответил, что он у герцога Шабена. Не знаю, зачем ему понадобилась птица, об этом меня спрашивать бесполезно. Оружие ваше, кстати, я здесь сохранил, будто догадывался, что пожалуете за вещами. Меч, которым вы наследника Мальрока убили, вон за той портьерой, рядом с вашей кольчугой подвешен. Кольчугу, кстати, мы заштопали у местного кузнеца, меч наточили – вы его о сталь немного иззубрили. А вон в том шкафу – ваш самострел, его даже чинить не потребовалось. Сами убедитесь, что все в полном порядке, можете забирать.

– Самострел? Вы же его называли нечистым оружием, а теперь забрать предлагаете?

Инквизитор досадливо скривился, изображая из себя помесь оскорбленной добродетели и разоблаченного жулика.

– Сэр страж, ну что вы, право! Все время только и норовите старое помянуть, причем исключительно нехорошее. Заметьте, я вам во всем помогаю, все рассказываю, даже ничего не требуя взамен. Стоит ли помнить плохое? Я вот уже простил вам неаккуратную работу с кандалами и лицо разбитое. Умный человек от таких мелочей в ярость не впадает. А вы тоже неглупы, прекратите, пожалуйста, все это. Мы, может, и не друзья, но кто знает... Уж уважаю я вас с первого мгновения нашего знакомства.

– Вы не в той ситуации, чтобы требовать. А насчет нашего знакомства... я тоже помню первое мгновение. С того самого мгновения мечтал о том, что с вами сделаю, когда поймаю. Список получился длинный, и ничего приятного в нем нет.

– Дан, зачем вы диспут устроили? Про птицу он уже все сказал. Прикончить Хорька, и все дела.

– Господин епископ, и вы туда же. Нехорошо...

– Господин? – хмыкнул Конфидус. – Обычно вы меня по-другому называли. «Безбожная тварь» – самое мягкое, что вспоминается. Даже не пытайтесь действовать на меня такой простенькой лестью, не подействует. Я и мои братья по вере натерпелись от вас столько, что всеми сокровищами мира этот счет не оплатить. Вы живы только потому, что я еще не придумал, что с вами сделаю.

– Вам не надоело угрожать? И вы, и сэр страж делаете одну большую ошибку. Угрожать надо уметь, ведь это целое искусство. А вы пошло пугаете унылыми сказочками про выколотые глаза, считая, что я, как дурак, поверю, будто вы способны покалечить старого слугу. Обижаете такими мыслями. Я-то прекрасно понимаю, что жив он и не искалечен только из-за того, что вы опасаетесь не получить ответы на свои вопросы. Понимаю, что в живых оставлять меня вы, мягко говоря, не стремитесь, и вопрос здесь даже не в мести, но это можно обсудить и в результате получить взаимную выгоду. Так что давайте поговорим, как нормальные люди, без всего этого.

– Ты нам условия не ставь, Хорек, – берясь за другую книгу, буркнул епископ.

– А я и не ставлю, сама жизнь ставит. Сейчас – да, вы в выигрышном положении. Я в вашей власти. Допустим, убьете меня. И что дальше? В городе переполох, вы, должно быть, знаете, что там почему-то тюрьма горит и беглые разбойники носятся по улицам. Стражники и солдаты на каждом углу. Вы уверены, что сумеете избежать встречи с ними? Отсидеться в башне не получится, к утру сюда вернутся мои братья. Их дюжина, и все при оружии. Я не сомневаюсь, что вы оба отличные воины, но братья мои тоже не девчонки с виноградников, и в любом случае шума не избежать. А на шум много кто примчится. Зачем вам это надо?

– Удовольствия ради, – лениво ответил я, выбирая очередной фрукт.

– Господа, удовольствие перерезать мне горло не стоит ваших жизней. Давайте не будем усложнять и ходить вокруг да около. Я готов себя выкупить.

– И что вы можете предложить? – усмехнулся я, выбрав наконец очередное лакомство.

– Многое. Прежде всего я могу легко вывести вас из города – никто не станет присматриваться к спутникам комиссара ордена карающих. Тем более если вас переодеть в нашу одежду. Лошадей получите хороших, и, если я даже потом расскажу страже, куда вы направились, догнать будет нелегко.

– Мы и без вашей помощи можем из города выйти. Мы бы так и сделали, но мне нужен Зеленый.

– Сэр страж, вот ведь далась вам эта птица!

– Конфидус, у всех свои слабости. Моя слабость – попугай. Без него я из города не уйду.

– Хорошо, сэр страж. Это тоже можно решить. Не знаю, зачем птица понадобилась герцогу, но Шабен разумный человек и, не сомневаюсь, охотно отдаст ее мне. Особенно если просьбу подкрепить чем-нибудь дорогостоящим. Например, деньгами. Сэр страж, взгляните на содержимое вон того шкафа. Думаю, средств в нем хватит на покупку не одной сотни попугаев, да и вам останется кое-что – не с пустыми руками придется уходить. Будем считать это маленькой компенсацией за причиненные неудобства. Вы взгляните, взгляните! Тайник хитроумный, но откройте дверцу, и я объясню, что дальше делать. Там не только монеты, есть еще и разные интересные вещи. Особенно для ордена вашего интересные.

Подниматься было откровенно лень – разомлел от переедания. Но намеки инквизитора заинтересовали – это что же там такое, интересное для стражей? Я встал и, как дурак, покорно направился в ловушку. Последние мозги потерял...

Открыть шкаф не успел. За спиной зазвенели цепи, вскрикнул епископ, что-то отрывисто треснуло, и пол подо мной провалился. Не везет мне с полами в этом мире...

* * *

Я еще не успел осознать, что, собственно, происходит, как тело начало работать независимо от разума. Левая рука встретила лишь пустоту, но правая в отчаянном рывке дотянулась до чего-то деревянного, раскачивающегося, и каким-то чудом ухитрилась уцепиться за эту сомнительную опору.

Затем наконец заработал разум, и я понял, что болтаюсь на створке распаивающегося вниз люка. Под ногами мрак, но хорошо помню, что потолки в комнатах младших инквизиторов были очень высоки – не меньше пяти-шести метров. Падать туда не хотелось – разбиться до смерти вряд ли получится, но удовольствия тоже мало.

– Дан, вы живы?!

Крик епископа как бальзам на душу!

– Жив! Помогите мне!

В квадрате люка показалась голова Конфидуса. Оценив мое положение, он исчез, быстро вернувшись со сдернутой портьерой. Используя ее вместо веревки, вытащил меня наверх.

Упав плашмя на мягкий ковер, я, успокаивая дыхание, прохрипел:

– Надо было сразу этого клопа раздавить!

– Ваша правда! Ох и хитер вонючка! И как ловок – сумел со стены освободиться и цепью мне захватить. Хорошо руку выставить успел, иначе по голове бы врезало. Разбил чуть ли не до кости. Провел нас, будто детей доверчивых. Одного не пойму, для чего ему этот люк в покаях? Хитро замаскирован, даже ковер в этом месте вырезан особо, а рычаг еще хитрее устроен – обычный светильник с виду.

– А что тут понимать?! Если гость нежелателен или надоед, достаточно подвести его к этому месту с помощью сказочки о припрятанном золоте. А потом за рычаг дерг – и дуралей летит в комнату к младшей братии, где его и вяжут, если жив остается. Проклятие! Уходить надо, он сейчас стражу приведет!

– Дан, никого он не приведет. Я дверь входную на замок закрыл, а ключа у него нет. Окна здесь все зарешеченные – не выбраться. Так что не уйти ему никуда. Возьмите свой меч и пойдемте вниз. Он может вооружиться, так что с пустыми руками брать его не стоит. Уж вдвоем управимся по-всякому. Лишь бы что-нибудь еще не придумал.

Спустившись на первый этаж, я злобно прокричал:

– Цавус, готовься! Яйца вырежу через глотку! Разговоров больше не будет!

В конце коридора хлопнула дверь, зазвенели цепи. Переглянувшись, мы бросились туда. Про осторожность не забывали, мечи держали наготове. Мало ли, что этот предусмотрительный гад припас для нежелательных гостей? Люк наверху мог быть не единственным.

В конце коридора мы никого не обнаружили, лишь дверь уборной раскачивалась. Я точно помнил, что оставлял ее закрытой, и почти не сомневался, что именно там укрылся загнанный в угол инквизитор.

Странно, но внутри его не оказалось. Лишь очнувшийся слуга испуганно таращится из угла. Подозревая уж вовсе нехорошее, я склонился над отверстием и отчетливо расслышал удаляющийся шум. Епископ, тоже это услышав, покачал головой:

– Дан, он ушел тем путем, которым мы сюда пришли. И умоляю вас, давайте не будем его преследовать! В этой тьме погоня невозможна, он просто остановится, и мы, в шаге от него

пройдя, не заметим. Да и ни за что не полезу опять в эту грязь! Ну сколько можно?! Пускай сам там гниет!

Мне тоже не хотелось возвращаться в канализацию, и, несмотря на жажду крови, я кивнул:

– На этот раз повезло уродцу. Хрен с ним. Пойдемте наверх.

– Наверх? Бежать надо, пока он не вернулся с помощью!

– Не думаю, что он найдет помощь мгновенно. Пока выберется, пока сумеет доказать, что перед ними именно глава карающих, а в таком виде сделать будет непросто. А нам надо поискать одежду инквизиторов и арбалет забрать.

– Верно. И золото прихватим, если оно у Хорька и впрямь в шкафу найдется, и кольчуги с кинжалами. А потом уйдем из города, в одежде карающих это легче устроить.

– Да, так и сделаем. Только сперва навестим герцога Шабена...

– О нет! – чуть ли не взвыл епископ. – Вы хуже перерожденного! Вы просто безумец!

Глава 5

Тайны высшего света

Из-за угла показалась очередная группа солдат – четверка мордovorотов в кожаных доспехах. Один держал в руке ярко полыхавший факел, трое других сжимали древки копий.

– Стоять! – заорал первый, но, разглядев, с кем имеет дело, поспешно поправился: – Прошу прощения! Обознался в темноте! Можете туда не идти – до самой Белошвейной улицы мы каждый угол осмотрели. Нет там никого, да и зачем им к центру города уходить?

Не унижаясь до ответов, мы молча прошли мимо солдат. Это не первая такая встреча, и все они проходили одинаково – никто и не думал нас задерживать. Неприкосновенность одежды инквизиторов была сроду спецномерам и мигалкам на машинах в моем мире – почти полный иммунитет давала. Хотя, если найдется кто-то недоверчивый, разоблачат нас сразу – достаточно приняхаться, но пока везло.

– Дан, вы с ума сошли! – Епископ, дождавшись, когда солдаты останутся позади, вновь принялся меня доставать. – Мы уже час ищем резиденцию герцога! Попадемся!

– Ну так найдите ее быстрее, я ведь город совсем не знаю.

– А я в этом квартале лет десять не был! Да и в те времена путался в этих дворцах и улицах! До утра нам здесь ходить, что ли?

– Если потребуется, будем ходить до утра.

– Вы и впрямь сумасшедший! Думаете, дворец герцога без охраны окажется? Или надеетесь, что птицу вам отдадут по первому требованию?

– Сперва найдем дворец, а потом посмотрим.

– Да что там смотреть? Уходить из города надо, пока не поздно!

– Конфидус, вы правы. Совершенно правы. Но я не могу. Не знаю почему, но не могу оставить Зеленого. Идите без меня, я потом догоню.

– Куда вы без меня! Дан, у вас хоть какой-нибудь план есть, что делать будем, когда дворец найдем?

– К примеру, можно в окно попробовать залезть и поискать там Зеленого.

– О господи! Я не верю!

– Не понял?

– Дан, я не узнаю вас! Может, вы и впрямь перерожденный?

– Вот и отлично! Найдем Зеленого, и по его поведению вы сразу определите Дан я или уже не Дан.

– Нас повесят раньше или сварят. Так вот же он!

Мы выбрались на очередной перекресток. Вереницы домов, тянувшиеся по обе стороны улицы почти сплошной стеной, здесь исчезли. Далее виднелось открытое пространство самого настоящего парка: из-за невысокой каменной стены поднимались зеленые великаны – первые деревья, встреченные мной в этом тесном и грязном городе, за ними с трудом различалась темная громада огромного дома.

– Резиденция династии Шабенов, – пояснил епископ. – Дворец подарен Кенгудом Первым в день принесения вассальной клятвы. Говорят, в тот день эти дубы и посадили. Лучший парк города, даже королевский ему кое в чем уступает.

Видал я парки и получше, а уж побольше повидал немало, но говорить это не стал.

– Не будем терять время. Помогите залезть на стену и подождите здесь.

– Одного я вас не пущу!

– Ждите здесь, от вас только шум будет лишний. Вы, конечно, воин отличный, но как лазутчик никуда не годитесь. Так что дальше я один.

Странно, но Конфидус не стал больше спорить, видимо, сам сознавал, что будет мне обузой. Лишь добавил:

– Осторожнее там. Если услышите лай собак, то сразу уходите – их вам не обмануть. Я буду ждать здесь до утра, но потом придется уносить ноги, если раньше меня не застукают. Так что не задерживайтесь.

* * *

С минуту посидев на стене и вглядываясь в мертвую темноту старого парка, я не услышал ничего подозрительного: ни лая собак, ни окриков стражи, ни шагов подкрадывающихся солдат. Проверив, легко ли выходит меч из ножен, я уверенно прыгнул вниз. Ноги болели, да и хромота не прошла, но слушались они теперь замечательно. Приятно знать, что обильная кормежка так действует, а других причин столь молниеносного исцеления я не находил.

Мягкая короткая трава – или подстриженная, или подъедают травоядные твари. Скорее, поверю во второе: газонокосилок в этом мире нет, а вот парочку оленей запустить в свой парк аристократы могут запросто. Осторожно стал пробираться от дерева к дереву, при каждой остановке сканируя ушами звуковой фон. Сверчки трещат, лягушки где-то рядом квакают, какие-то мелкие зверюшки в кустах шуршат. Никто и не думает поднимать тревогу по поводу моего вторжения в этот безмятежный мирок.

Вскоре выбрался к источнику кваканья – пруду с высокой беседкой на островке. Сделал крюк, обходя открытое пространство, перебежал через мощенную камнем дорожку, приблизился к громаде дома.

Абсолютная беспечность – ни охраны, ни собак. Похоже, мне повезло в том, что герцог в высшей степени неосторожный человек. Ничего, после этой ночи он об этом пожалеет. Нет, я не хочу ему делать ничего плохого, но Зеленого заберу обязательно.

Выбираться из зарослей не хотелось, но деваться некуда – перед дворцом деревьев нет. Облака, как назло, поредели, в лунном свете меня легко можно будет из окна увидеть. Хотя кому придет в голову мысль таращиться среди ночи на темный парк?

Начал красться вдоль фасада, подыскивая удобное окно или дверь черного хода. Высунувшись из-за угла, замер – неподалеку стоял человек. Меня он не заметил, торчал на одном месте, будто статуя. Приглядевшись, понял, что это и есть статуя. Причем грубая, безвкусная – только такой идиот, как я, мог перепутать ее с живым стражником.

Очень удачно поставлена – я как раз пытался придумать, каким образом добраться до окон первого этажа. Рост у меня не гулливеровский, а расположены они на большой высоте. Статуя была каменной и массивной – то, что надо. С ее плеч я легко достал до подоконника, вскарабкался. Далее возникло непредвиденное препятствие: я столкнулся с оконными стеклами – маленькими мутными осколками, закрепленными в металле. Ну почему здесь не обошлись обычной пленкой?! Ее бы я разрезал быстро и без шума.

Вытащил меч, попробовал металл каркаса на крепость. Поддался он почти как масло – обычный мягкий свинец. Осторожно вытащил из рамы первый осколок, положил на подоконник, взялся за второй. Эх, надо было тот из кухни Цавуса прихватить! Кто же знал...

Вскоре в окне возникло отверстие с размерами, вполне меня устраивающими. Отогнув в стороны куски разрезанного каркаса, я полез внутрь. Темень в помещении царила крошечная, не хуже, чем в канализации. Стекло местное, слишком мутное, свет почти не пропускало, но тишина свидетельствовала, что людей здесь нет. Ни храпов, ни громкого дыхания, и вообще дух не обжитый – явно не спальня. И почему-то несло чем-то специфически горелым. Свечу недавно загасили? Может, и так...

Перебравшись на подоконник, напряг зрение, попытавшись хоть что-нибудь рассмотреть. Лишь смутные силуэты. Регенерацией отменной я обзавелся, а вот ночным зрением нет. Я уже собрался свеситься вниз, как вдруг из мрака спокойным и уверенным голосом произнесли:

– Сэр страж, не могли бы вы спуститься на пол чуть левее?

Естественно, я замер, лихорадочно соображая, что делать. Выхватить меч и с криком «Банзай!» броситься в атаку или попытаться улизнуть назад в парк. Атаковать не хотелось – я не различал ничего и никого, а вот неизвестный на фоне окна видел меня прекрасно.

Тем временем невидимый собеседник пояснил:

– Дело в том, что как раз под вашими ногами находится столик с драгоценным цайтанским сервизом – изумительный набор, уникальный; мастер, его создавший, принял яд. Ему незачем было жить дальше, он добился совершенства. Я очень огорчусь, если его творение пострадает. Так что левее, сэр страж, левее, там ничто не помешает вашему спуску на пол. Можете смело прыгать, ноги не повредите, ковер здесь отменного качества. Вас, видимо, смущает темнота? Ну так это легко исправить.

Во мраке чем-то зашуршали, и почти сразу комнату залило слабым сиянием. Его источник – большой кубический фонарь из тех же стеклышек – находился на большом лакированном столе. Рядом, держа в руке сорванное покрывало, стоял высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, одетый скромно, но со вкусом.

– Сэр страж, что же вы замерли! Спускайтесь! Видите, я вас не обманывал. Левее и впрямь ничего вам не мешает. Вы столько трудов приложили, чтобы сюда попасть, а теперь стесняетесь, будто девица в исповедальне.

– Я всегда стесняюсь незнакомых людей, – буркнул я нехотя, пытаясь понять, во что на этот раз вляпался.

По всем раскладкам выходило, что в очередное дерьмо, это дело у меня хорошо получается.

– Так давайте познакомимся! – обрадовался странный тип. – Вас, как вы понимаете, я знаю, хотя и заочно, а меня зовут просто – его светлость герцог Шабен двенадцатый, первый вассал короны Ортара, владыка Севера, страж покоя королевства, первый министр двора Кенгуда Восьмого. Вы позволите не упоминать более мелкие мои титулы? Дело в том, что я вынашиваю планы с вами подружиться, а среди друзей не принято соблюдать этикет столь скрупулезно, это могут понять превратно.

– Разрешаю, – все так же мрачно буркнул я. – В свою очередь надеюсь, что вы не обиделись из-за того, что я забрался в вашу комнату в грязной обуви.

– Пустяки. И вообще – эта комната вряд ли относится к моим покоям. Я сюда с осени не заглядывал. Дворец большой, комнат в нем столько, что сам не знаю их количество, в некоторых ни разу в жизни не бывал.

– Надо же, как мне повезло! Чудом на вас наткнулся, получается.

И чего это он в друзья набивается? Явно не к добру. И откуда он знает, кто я?! За спиной – тихо, возможно, тревога еще не поднята. Шмыгнуть в парк и мчаться до стены, а потом затеряться в городе, кишашем разозленными солдатами и взбешенными инквизиторами?

– Это вовсе не везение. Я сюда заглянул за минуту до вашего неожиданного прихода. Перед этим нам пришлось долго бродить по периметру дворца вслед за вами, дожидаясь, когда же вы наконец выберете путь. Знали бы, что выберете вот этот, со статуей, ждал бы здесь с самого начала.

Надеюсь, этот тип не увидел в сумраке, что я покраснел, будто монашка, по ошибке зашедшая в секс-шоп. Это что же получается: пока я ниндзя изображал, из окон на меня всю тарашились, притоптывая от нетерпения? Не могли дождаться, когда же наконец решусь влезть в окно? Стражников и собак убрали с моего пути, чтобы ничего не помешало и не насторожило. Ну и опозорился же я, диверсант хренов!

Полагаю, что при таких раскладах в парк уходить поздно – наверняка уж теперь-то стражников там как грибов по осени, да и волкодавов тоже. Ведь герцог во множественном числе говорит явно не из-за мании величия, с ним целый отряд за мной следил.

– Могли бы в таком случае двери открыть.

– Так ведь мы их и открыли! – преувеличенно радостно воскликнул герцог. – Но вы, к сожалению, до них не добрались, предпочли окном воспользоваться. Ну да не страшно – стекла починить легко, в отличие от драгоценного сервиза. Как только уважаемый комиссар ордена карающих сообщил, что нас, возможно, посетят сэр страж со спутником, так мы сразу поспешили приготовиться. Вы уж простите, что не успели организовать торжественную встречу, несколько растерялись от неожиданности.

– Этот вонючий уро... э... господин инквизитор тоже здесь?

– Нет, его вообще здесь не было. Сообщение от него солдаты принесли, из тех, что по городу сейчас разбойников беглых ловят. Поговаривают, что господин комиссар неудачно упал в сточную канаву, из-за чего некоторое время не сможет посещать дома уважаемых жителей города. Я даже рад произошедшему: как и все имперцы, он более чем равнодушен к гигиеническим процедурам, но теперь ему волей-неволей придется воспользоваться мочалкой и горячей водой, пусть хоть так приобщается к обычаям Ортара. Сэр страж, ну что же вы так и сидите на подоконнике? Такое впечатление, что чего-то опасаетесь! Здесь вас никто и пальцем не тронет.

– Я человек недоверчивый.

– Разумно, но нас можно не остерегаться, мы ваши самые искренние друзья. Сэр страж, как только мы узнали, что вас схватили инквизиторы, сразу приняли меры для вашего освобождения. Городской пристав по указанию преданных нам людей вытащил вас из застенков ордена карающих, а затем мы позаботились, чтобы в тюрьме на ночь остался лишь один надзиратель, а на страже были наши люди. Идеальные условия для инсценировки побега. После полуночи вы бы попали в этот дворец со всеми почестями, но, увы, почему-то не стали этого дожидаться. Я сгораю от любопытства: что же вас заставило самостоятельно покинуть темницу и прийти сюда?

Ничего не понимая, я решился, все равно ведь обложен со всех сторон. И непохоже, что здесь меня собрались добить, слишком уж все изощренно.

Спрыгнув на пол, хмуро пояснил:

– Я пришел за своей птицей. Попугай у вас?

– Ах, вот вы о чем! Ну как я сам не догадался! Разумеется, ваш попугай у меня, терпеливо дожидается своего хозяина. Но, право, не стоило ради птицы так торопиться.

– С ним, надеюсь, все в порядке?

– Не волнуйтесь, о нем достойно заботились. Если не считать периодического алкогольного опьянения, то все в порядке.

Похоже, герцог не врет, с Зеленым и впрямь порядок.

– Вас не затруднит провести меня к попугаю и заодно объяснить, для чего я вам понадобился?

– Странный вопрос... Думаю, об этом лучше поговорить в присутствии попугая. Точнее, в присутствии одной симпатичной особы, которая сейчас с ним находится.

Интригует. Ну да ладно, посмотрим, что дальше будет.

Понятия не имею, что здесь вообще происходит. И что это за особа? Златоволосая принцесса, скрывающаяся от жениха-чернокнижника, или просто роковая красавица в состоянии острейшего перевозбуждения, готовая влюбиться в меня с первого взгляда? Если была упомянута женская красота, то по сценарию далее просто неизбежно последует сцена обольщения, причем неоднократного... Шаблонно мыслю, но ведь и жизнь не такая уж сложная штука – любит повторяться.

Если все пройдет так предсказуемо, то... Что «то»? А ничего, скорее всего это означает, что лежу я в комнате с поролоновыми стенами, привязанный к железной кровати. Мрачные санитары по расписанию вкалывают галоперидол и обезболивающее, а в тканях мозга под действием сильнодействующих препаратов, латентной тяги к садомазохизму и раковых метастаз перемешались абсолютно все штампы из прочитанных книг, создав новую унылую реальность, где меня с первого дня бьют, режут и пытаются, а из бонусов лишь птица говорящая и регенерация усиленная (сокровенная мечта всех мазохистов).

Принцесса с хлыстом будет или с плеткой? Посмотрим...

Дальше мне пришлось напрячься, потому что за дверью нас дожидались десятка полтора вооруженных громил, причем слово «вооруженных» в данном случае следует произносить с ударением на каждом слоге. Дорогие латы, кольчуги, мечи, щиты, шлемы с опущенными забралами – в полной готовности к серьезному бою. Бывалые вояки! Столько времени простоять во всем этом металлоломе бесшумно, это надо уметь.

Герцог, подняв руку, успокаивающе произнес:

– Не волнуйтесь, сэр страж, считайте, что это ваш почетный караул.

Ага, так я и поверил...

Вязать меня, впрочем, не стали, но эта орава, громыхая железом, потащила нас вслед за нами, дыша в затылки. Так мы и продвигались по мрачным коридорам, освещенным редкими свечами, расставленными в неглубоких нишах. По широкой каменной лестнице поднялись на второй этаж, здесь у двойных дверей встретились еще с одной группой солдат. Эти были какие-то другие – вооружены и экипированы столь же разношерстно-добротнo, но в одеждах у всех преобладают красные цвета. Похоже на зачатки некоей униформы. Что все это может означать?

За дверью оказалась огромная комната, судя по наличию кровати, спальня. Кровать по площади приблизительно соответствовала моей городской квартире, оставленной на Земле. Помимо кровати имелись столы и столики, кресла и множество диванов самых разных размеров. На самом маленьком с достоинством сфинкса разлеглась маленькая белая собачонка с красным бантом на макушке, на одном из средних расположилась женщина с удивительно резкими чертами лица, ничем, впрочем, его не портящие. Очень ухоженная, красивая, но красота ее была нестандартная. И далеко не молодая, лет ей, наверное, не меньше, чем хозяину замка, хотя при беглом взгляде можно спутать с тридцатилетней. Вычурная сложная прическа, умело наложенная косметика (ба, выходит, штукатурка для передней части головы и здесь известна!), платье строгое, до пят, но очень выгодно подчеркивает достоинства фигуры, не выдавая недостатки.

Недостатков, возможно, и не было – идеал женщины. Впрочем, не в моем вкусе, идеал, можно сказать, своеобразный. И дело здесь даже не в возрасте, просто не нравятся мне подобные «снежные королевы». Я человек простой, веселый и открытый со всех сторон сразу, потому и женщин предпочитаю аналогичных. А эта явно не из таких. Сидит, будто замороженный лом проглотила, и смотрит на нас, как белый лебедь на скользких пиявок.

Эх, а я ожидал принцессу или роковую милашку чином пониже... Ну да ладно, зато она без плетки, а это хоть кое-какой плюс.

– Ваше величество, позвольте представить вам сэра стража! – громко и напыщенно произнес герцог.

Если «внутренний переводчик» не ошибся, то передо мной все же особа королевской крови. Первоначальные бредовые подозрения вспыхнули с новой силой. Мне ее что, обольщать предстоит или как? Я, в принципе, согласен хоть этого пуделя совратить, лишь бы живым отпустили и попугая вернули. Но подозреваю, не все здесь так просто...

Женщина еле заметно кивнула, а герцог, развернувшись, властно скомандовал:

– Все вон и дверь закрыть!

– И через шелку за блудными делами не подглядывать! – совсем уж пошло добавили из-за кровати.

Должно быть, я нарушил немало правил хорошего тона, но на некоторое время попросту выпал из реальности, не замечая ничего происходящего. Просто кинулся в сторону источника столь гнусавого и хорошо знакомого, почти родного голоса.

* * *

Зеленый устроился, как кусок сыра в резервуаре с маслом. Огромная клетка из деревянных прутьев, удобная жердочка, кормушка полная, блюдечко с чем-то жидко-розовым перед распахнутой дверцей. Менее всего похоже на жилище заключенного. Мое появление птиц встретил радостным воплем, тут же опрокинув блюдце при взлете. Миг – и он у меня на плече. От радости даже дар речи потерял, только клюв разевает в пародии на улыбку – столь странными жестами показывает, как счастлив. С нескрываемым волнением попугай все же выдавил:

– Придурок, это по каким кабакам тебя столько носило?

– Привет, Зеленый, я тоже по тебе соскучился.

Птиц. Первый мой друг в чужом мире. Верный помощник, вредная тварь, пошляк и профессиональный алкоголик. До сих пор не могу сказать, насколько он разумен, но мне он почти как брат...

За спиной кашлянул герцог, явно пытаюсь привлечь внимание. Я нехотя обернулся.

– Сэр страж, как видите, ваш попугай в полном здравии, мы о нем хорошо заботились.

– Эти лысые обезьяны вино водой разбавляют, – тут же наябедничал Зеленый.

– Надеюсь, вашей птице это только на пользу пошло, – попытался оправдаться хозяин двorca.

– Чтоб ты мочу ослиную до скончания лет вместо пива пил, подстилка трактирная, – буркнул попугай.

– Простите, что прерываю вашу утонченную беседу, но у нас не так много времени, – ледяным голосом произнесла женщина.

Я помалкивал, справедливо предполагая, что мне сейчас без наводящих вопросов объяснят, зачем я им вдруг понадобился. Ведь не с целью же последующего каннибализма они затевали мое освобождение? Или просто альтруисты? Не верю в такое, скорее уж каннибалы. Действительность оказалась несколько сложнее...

– Магистр вашего ордена прислал весть о вашем прибытии. Сожалею, что из-за преступных действий карающих мы вас на время потеряли. Непросто оказалось узнать, что вы находитесь у них в подвале. Увы, они умеют скрывать такие вещи.

Женщина говорила вроде бы понятные слова, но в сумме они образовывали белиберду. Никакие магистры никакого ордена о моем прибытии никого предупредить не могли по очень простой причине: они понятия не имели о моем существовании.

Тем временем она продолжала нести чушь:

– В послании говорится, что вас прислали оказать помощь на границе с дальнейшей перспективой вернуть земли, захваченными Тьмой. Королевство в таком положении, что ни от какой помощи не откажется, тем более если ее предлагает орден полуденных стражей. У нас были некоторые планы, как вас использовать, но теперь, боюсь, их придется изменить. Поймите нас правильно, мы очень уважаем ваш орден и его преданные помощники, но мы не в той ситуации, чтобы ссориться с карающими. А они, как я понимаю, стали вашими врагами. Если посмотреть в окно, то можно увидеть зарево от двух пожаров – горят городская тюрьма и башня инквизиторов. Не сомневаюсь, что конфликт у вас с ними серьезный, и еще лучше понимаю, что нам вмешиваться в него не стоит. Ваш магистр и ваши братья далеко, вы здесь

один, а нашей власти не хватит для серьезного давления на инквизицию. Простите, но здесь мы вам ничем помочь не можем. Понимаете?

Пожав плечами, я попытался ответить не самым дебильным голосом:

– Я вообще ничего не понимаю. Впервые слышу про приказ магистра и вообще не пойму, откуда он узнал, что я попаду в ваше королевство. Само собой, не могу знать ничего про ваши планы; и даже более того, я понятия не имею, кто вы такая. Королева? Супруга Кенгуда Восьмого?

– Вы мне льстите, – бледно улыбнулась женщина. – Я действительно супруга короля, но только Кенгуда Седьмого. Кенгуд Восьмой мой сын, я же вдовствующая королева-мать. По поводу всего остального ответить не так просто... Сэр страж, вам многое пришлось пережить. Скажите, это не отразилось на вашем самочувствии? Ваш вопрос по поводу приказа магистра...

– Я позабыл некоторые вещи.

– Мне так и показалось. Бывает такое... Хорошо, что выжили. Что ж, придется вам довольствоваться моими словами, но такой приказ действительно был. Увы, дословно я его воспроизвести не могу. Магистр лишь сообщил нам, что вы придете помочь. А что именно он приказал вам, мы знать не можем. Мы должны были оказать вам содействие, а сам замысел... Мне кажется, что ваша эпопея на побережье проходила в его рамках. Не припомните?

– После ранения в голове все путается...

– Надеюсь, вскоре вы оправитесь от ран. Но ждать этого некогда – у карающих повсюду есть свои люди. Даже здесь, во дворце герцога, мы не сможем вас укрыть. Про королевский замок даже думать не хочется, там шпионов больше, чем клопов. Ссора с полуденными им не нужна, проще всего попросту вас уничтожить, чтобы замолчали. Яд, кинжал... они найдут подходящий инструмент. Как я уже говорила, магистр далеко, а у карающих здесь весомые позиции. Не столь весомые, как в империи, но даже мне приходится иной раз опасаться за свою безопасность.

Делая вид, что все понимаю, я уточнил:

– Мне придется покинуть город?

Это было бы просто замечательно, ведь я нашел Зеленого, и больше меня здесь ничего не держит. Остается сказать спасибо этим титулованным шизофреникам, принимающим меня за настоящего стража, и мчаться отсюда далеко и быстро.

– Да, в городе вам оставаться опасно. Желательно покинуть его прямо сейчас.

Ура! То, что надо! Теперь еще бы выбить из этих чудаков коней, пожрать и хоть немного валюты – голодный и нищий пешеход далеко не убежит.

– Ну что ж... раз надо, так надо. Я готов уехать хоть сейчас, – с трудом попытался скрыть радостные нотки, выдавливая слова с максимально недовольным видом.

– Остается последнее. Определиться, куда именно вам ехать, – сказал герцог. – На границе карающие есть в каждом приличном гарнизоне, там вам не укрыться.

– Ну, значит, на границе мне делать нечего, – ответил я легкомысленно, тут же осознав, что сморозил что-то не то, – лица собеседников удивленно вытянулись.

– Как? – Королева даже чуток из-за своего айсберга выглянула, опешив от моих слов. – Вас прислал магистр. Где еще может помочь страж, если не на границе?

Где-где?! Да откуда мне знать?! Люди добрые, вы слишком много хотите от самозванца-дилетанта, к тому же инопланетянина! Вот что им отвечать теперь?!

Ладно, держим нейтральную позицию, говоря много слов, но ничего конкретного.

– А это уже вы должны придумать. Я здесь чужак и слабо ориентируюсь в обстановке. Да и дела мои плохо шли в последнее время, соображаю скверно. Кстати, извините за мою неучтивость. От всего пережитого светские условности вылетели из головы.

– Мы не на балу, да и вы здесь инкогнито, сэр страж, – спокойно ответила королева. – Согласна с вами, это мы должны подумать. Вот и подумали. Есть один вариант для вас... опасный, и не знаю, насколько вам по плечу. Но если не вы, то никто не осилит такое. Да и карающие вряд ли смогут там действовать. Это...

– ...владение Мальрок, что в Межгорье, – продолжил герцог.

Синхронность их совместной речи заставила меня подумать об очевидных фактах – передо мной достаточно близкие люди. Неудивительно – королева женщина одинокая и далеко не развалина древняя. Лунная ночь, замок мужественного герцога, прекрасно оборудованная спальня, где она чувствует себя как дома. Житейское дело...

Сии размышления не помешали оперативно отреагировать на полученную информацию:

– Мальрок?! Проклятый замок?!

– Речь не о замке, а обо всем владении. И даже более того – обо всем Межгорье. Перерожденные там здорово похозяйничали. Владельцев не осталось, а крестьян или сожрала Тьма, или разбежались по чужим землям. Возвращаться туда никто не хочет – ваша победа у брода ничего не решила. Если земли опоганены, то это навсегда, до сих пор еще никто никогда и нигде не сумел отобрать назад то, что подмяла под себя Тьма. Но в случае с Мальроком все свершилось очень быстро, перерожденные лишь около года назад там появились. Дел успели натворить немало, но вот закрепиться всерьез не успели. Там вряд ли есть серьезные убежища, да и армия наша, посланная после вашей победы довершить разгром, не столкнулась с крупными силами погани. Даже ночью она вела успешные действия, выжигая скверну. Гадина, лишившись головы, сопротивлялась вяло. Мы думали, что сумеем вернуть земли короне, но случилось непредвиденное: никто из наследников бывших владельцев, которых сумели найти, не желает туда отправляться. Все как один готовы служить короне где угодно, но только не в Межгорье, все дружно отказались от своих прав. Из новых дворян тоже никто не пожелал, даже безземельные не хотят там поискать себе надел. Хорошая земля, удобная, но погань пугает... Не верит никто, что из ее лап можно хоть что-нибудь вырвать. До сих пор такого не бывало – на ее земли лишь демам дорога открыта. А мы вот с ее величеством и магистром вашего ордена думаем иначе. Это возможно. И даже более того, это нужно делать. Нельзя отступать вечно, ведь наш мир не бесконечен.

– Вы получите бумагу, подписанную самим королем, – опять заговорила королева. – В ней много слов, но если коротко, то сказано следующее: «Если вы сумеете прожить в Межгорье три года и три дня, восстановив замок, обрабатывая землю и держа границу по реке, то получите права на все Межгорье. Величина вотчины позволит ее владельцу носить титул графа, с чем я вас и поздравлю. А если появятся наследники прежних баронов, то пусть идут в дальние края пешим ходом, отказавшись от защиты своих владений, они их лишились». Если совсем уж точно, то бумагу подписала я, так как сын мой сейчас далеко на южной границе. С ним было бы проще... не вовремя он уехал... Но у меня с сыном полное взаимопонимание и общность замыслов, поэтому он подтвердит все. Мальрок и остальные баронства Межгорья давно уже у нас костью в горле стоят. Власть короны была там не более чем пустой звук – вотчина бандитов, пиратов и бездельников. Остатки былой поморской вольницы – старую доблесть растеряли, но гонор сохранили. Сумеете забрать этот кусок себе, так корона от этого только выиграет. А получив титул, заслуженно получив титул, вы из разряда стража попадете в разряд уважаемого дворянина Ортара, а следовательно, заодно попадете под королевскую защиту. При малейшем косом взгляде в вашу сторону со стороны любого из карающих король может строго с них спросить – это его законное право. Дворянина тронуть без его согласия – тяжкое преступление. Очень тяжкое. Я бы на их месте трижды подумала, прежде чем на подобное решиться. Таким образом вы получите серьезную защиту, что поможет в ваших дальнейших замыслах. Если даже не продержитесь оговоренный срок, тоже не зря – погань потрепать сумеете, я уве-

рена в вас. И карающие туда не доберутся, нет у них сил серьезные дела устраивать на таких опасных землях.

Слушая ее монолог, я потихоньку приблизился к маленькому столику, заставленному посудой с легкими закусками и соблазнительно выглядевшими кувшинчиками. Плеснул в плоский кубок Зеленому, чтобы тот не вмешивался в беседу со своими пошлостями, и птиц мигом скатился с плеча, присосавшись к жидкости, будто электрический насос. Не забыл я и про себя – отпил глоток недурственного чуть терпкого вина. Ухмыльнулся, покачал головой:

– Речи ваши, ваше величество, прекрасны, как это вино, и столь же коварны, как любой алкоголь. Вы, должно быть, преувеличенного мнения о возможностях стражей. Вот скажите, каковы размеры этого Межгорья?

Королева растерянно покосилась на герцога, и тот не подкачал:

– Пять дней конному, если с запада на восток; на востоке с севера до юга можно за два дня добраться, а на западе и вовсе расстояние маленькое до смешного. Все Межгорье – это длинный треугольник, вытянутый острым концом с востока на запад. С юга его ограничивает Костяной хребет и граница, что по Ибре проходит, с севера – Маркизовы горы, с востока – отроги Костяного хребта, за которыми море начинается сразу. На западе Маркизовы горы почти смыкаются с Костяным хребтом, там лишь узкий проход остался, но и его закупоривает Шнира, что берет начало на южных склонах Маркизовых гор. Река эта неширокая, но быстрая, и берега ее почти на всем протяжении обрывисты. Крепость там стоит, сильный гарнизон в ней. Если погань всерьез в Межгорье обоснуется, то нелегко ей будет набегу устраивать: на западе выход держат наши солдаты, на севере непроходимые Маркизовы горы с ледяными вершинами, на юге, за Иброй, вся земля и без того давно уже под Тьмой, а на востоке лишь море, да и к нему дорог через скалы не так уж много. Природная крепость огромного размера, оттого и мешали нам бароны местные, чувствовали себя вольготно и в полной безопасности. Позволяли себе многое, вот и допозволялись. Пала эта крепость, так что на вас только и надеемся. Нет у нас сил, совсем нет. Война на границе отнимает все резервы.

– Повторюсь. Вы, видимо, и вправду решили, что я всемогущ. А это неверно, я такой же человек, как и все. Мне будет нелегко строить там замки, пахать землю и в одиночку оборонять всю эту территорию. У меня, знаете ли, даже коня не осталось, чтобы обскákat ее за пять дней с запада на восток. Без коня скакать, конечно, можно, но, мне кажется, это будет существенно медленнее.

– Коня мы вам дадим и вашему спутнику тоже. Надеюсь, он еще не замерз, дожидаясь вас под стеной парка. И одежду для вас найдем подходящую, от вашей, уж извините за прямоту, не очень хорошо пахнет. Амуницию – само собой, не волнуйтесь по поводу таких мелочей. Замок строить тоже не понадобится, в Межгорье их как блох на собаке. Наша армия, конечно, разгромила там все, что погань пощадила, да и пожгла немало, но восстановить все же легче, чем заново возводить. А землю пахать не дворянское занятие, привыкайте мыслить как граф. Для этого существуют крестьяне, а они у вас будут. Тех иридиан, которых вы вывели с побережья, мы приговорили к ссылке. Точнее, старый приговор сохранил силу, просто изменилось место заточения. И, как думаете, куда их отправили?

– Эти люди не преступники...

– Нам тоже неприятны их разногласия с церковью, но лучше уж Мальрок, чем оставить на землях короны. Здесь карающие им жить не позволят – изведут быстро, раз уж всерьез взялись за иридианскую ересь. Кстати, бакайцы почему-то дружно изъявили желание разделить их судьбу. Лишь небольшая часть решила остаться в коронных землях, тех мы отправили на границу, в военные поселения. Так что у вас будет более тысячи подданных, и среди них немало умелых воинов. Армия невеликая, но уже показала себя достойно – там, в бою у брода.

И вот что здесь возразишь? Землю дали, замков кучу тоже, подданных выделили, коня обещают и портки чистые. Земля, правда, похуже, чем в зоне Чернобыльской, все замки доб-

рые солдаты милостиво сожгли, зато подданные – народ проверенный, с такими куда угодно идти можно, на все наши два возможных направления – хоть топиться, хоть вешаться.

А стоит ли возражать? Меня упорно принимают за стража, значит, проще смириться. Видимо, и впрямь это тело принадлежало представителю ордена полуденных. В местных реалиях я ориентируюсь слабо, затеряться самостоятельно будет нелегко – карающие могут меня выследить, будто бегемота слепого. С другой стороны, согласившись с предложением странных аристократов, я получаю убежище от инквизиторов, приличную группу верных мне людей, уединенный уголок, где, возможно, сумею неспешно вжиться в местное общество. И в придачу к перечисленным бонусам все тех же милых зверушек из опоганенных земель. Но последнее, может, не столь уж плохо, на Побережье эта колония почти год протянула без особых проблем. А уж там, на территории естественной крепости с несокрушимыми природными стенами...

Ага, размышлялся... Через стены эти, само собой, дорог немало и троп. А у меня людей раз-два и закончились... Все равно что Кремль Московский попытаться оборонять парой солдат от всей армии Чингисхана.

А какая альтернатива? В одиночку, мало что понимая, бежать непонятно куда? Оставаться-то нельзя, да и не хочется, надоело здешнее гостеприимство. А тут и статус, и средства, и кое-какие любопытные перспективы.

Ладно, Дан, пойдем по пути наименьшего сопротивления.

– Хорошо. Думаю, ваше предложение наилучшим способом распутывает ситуацию. Хотя я не представляю, как продержаться там три года, если за нас всерьез возьмутся.

– Мы поможем по мере сил, но возможности наши ограничены, – вздохнул герцог.

– Мне нужны солдаты, инструменты, скот, семена... Ведь даже кормить всю эту толпу нечем.

Королева, изобразив стандартную ледяную улыбку, пояснила:

– Не думайте, что мы отправили их в Межгорье голодными и босыми. Сэр страж, ваши люди получили помощь в приобретении новых повозок, и этим наша помощь не ограничилась. Коровы, лошади, овцы, козы, птица – все получили лично от меня. Зерно, продукты, ткань на одежду, инструменты, оружие – про это тоже не забыли. В спешке, возможно, не все предусмотрели, да и запасы не столь обильны, но там, на месте, их можно пополнить – наша армия не успела похозяйничать. Так что, думаю, найдете чем поживиться. Вы уж простите, но казна пуста – королевство в долгах. Война слишком дорогое удовольствие... С солдатами тоже немного поможем, уже выделили в сопровождение небольшой отряд латников. Передадите их командиру письмо от меня. Он преданный человек и опытный, пригодится вам там. Большим, извините, помочь не можем. Гарнизон в крепости на Шнире будет поставлен в известность о вас, но он невелик, и воинов хороших почти нет, так что даже не думайте на него всерьез рассчитывать. Да и карающие могут иметь там своих людей, держитесь настороже. Усилить вас попросту нечем: мы даже из тюрем вытащили всех мало-мальски пригодных для несения службы. Королевство истощено Тьмой...

Наступило минутное неловкое молчание, все ждали от меня ответа, а я молчал, все еще вяло перебирая варианты, которых до обидного мало.

Эх, знать бы, где здесь безопасное место можно найти, так бежал бы без оглядки. Но не знаю, чужой я здесь. А может, и нет такого места...

* * *

– Привет, Тощий! Тебя разве еще не повесили?!

Епископ, привычный к повадкам Зеленого, не обиделся:

– Дан! Вы нашли свою птицу! Я рад, но нам стоит поторопиться, вот-вот рассветет!

– Не спешите, пойдемте за мной.

– Куда? Там ведь ворота парка и охрана?! Да вы окончательно с ума сошли!

– Конфидус, пешком бежать – не слишком здравая идея. А я нашел не только Зеленого. В парке нас ожидают лошади, одежда, сумки с едой, деньги и даже охрана, которая сопровождает нас до городских ворот. Мы с вами нахлобучим глухие шлемы, и никто в них нас не узнает. Мало ли солдат в эту ночь бегает по улицам в поисках сами знаете кого?

– Дан, вы шутите?

– Погодите немного и сами убедитесь, что не шучу...

* * *

«Продолжение отчета добровольца номер девять. Возобновлено после перерыва, вызванного отсутствием местного запоминающего устройства – попугая. Длительность перерыва неизвестна. Так что назовем этот день: «Последний день в застенке».

Пропущенные дни опишу коротко: помер; воскрес; посадили в подвал; пытали; били. Сегодня меня тоже пытали. И били тоже. А еще я исследовал городские подземелья, точнее – канализацию. Еще точнее, я там плавал по уши сами знаете в чем.

А теперь о деле. Криптон не смог найти даже в канализации, честное слово, только его там и искал. Без криптона не могу даже думать о начале работ по созданию установки. И вообще, состояние хронического стресса не способствует пробуждению созидательного настроения. Попытки тоже как-то не вдохновляют. Но если вдруг вы там, в своем бункере, начисляете на мой счет зарплату, прошу не считать мои действия прогулом, я стараюсь изо всех сил. Не все пока получается, но чувствую, что или все изменится в лучшую сторону, или отброшу копыта, бесконечно терпеть я неспособен.

Я познакомился с местной королевой. Она красивая, как штука, утопившая «Титаник», и строгая, как моя первая учительница. Улыбается будто «Мона Лиза», так же загадочно, видимо прячет зубы гнилые. Тебе, Ваня, она бы понравилась.

Направляюсь куда-то на восток, в местность, надеюсь, богатую всеми изотопами криптона и прочим стратегическим сырьем.

P.S. Если вдруг подвернутся удачно взорвавшиеся сверхновые, срочно пришли самоучитель по регенерации и ортопедические ботинки, а то мне здешние инквизиторы ноги поломали в девятнадцати местах».

Глава 6

«По тундре, по железной дороге...»

Так уж сложилось, что в местной географии я разбирался слабо. Политическая или топографическая карты на глаза как-то не попадались, а те филькины грамоты, что попадались, представление о мире давали менее чем нулевое. Даже название королевства, к границе которого я через ад провел столько местных горемык, узнал лишь сейчас – от герцога Шабена. Хотя в плюс себе могу поставить заочное знакомство с королем, его порядковый номер я знал – восьмой, а имя – Кенгуд. Мы с ним почти ровня, ведь я девятый. Правда, аристократических кровей не имею, но это пока. В отдаленной перспективе маячит графский титул. С ним, правда, не все так просто, подозреваю, что дожить до его получения будет несколько сложнее, чем станцевать медленный танец с поднятым из берлоги медведем-людоедом.

Итак, государство, в которое я попал, называется Ортар. Судя по некоторым обмолвкам, размеры его не слишком велики, и где-то не так далеко, точно не известно где, находится могущественный сосед – некая империя. Естественно, как и полагается империям в стадии экспансии, сосед является воплощением чистого зла, оттуда в Ортар проникают разнообразные козни, инквизиторы и кишечные паразиты. А сделать против этого ничего не могут из-за несопоставимости весовых категорий. Остается узнать, почему этот сосед при всем своем злобном могуществе до сих пор не подмял маленькое, но гордое королевство под себя?

Да ходить мне на большую политику по-большому, о себе надо думать! Позади меня задница, впереди то же самое, но, кто знает, вдруг имеются варианты посветлее? Может, забыть про это Межгорье и резко поменять маршрут? Погони за нами не заметно, да и вообще здесь не слишком многолюдно, лишь одиночные телеги крестьянские да редкие всадники, столь же одиночные.

Перед рассветом, покидая город, в последний раз толпу увидел у ворот, где собралось не меньше трех десятков солдат. Злые, крикливые, возбужденные. Их бы всех на южную границу, с нечистью рубиться, а они, сволочи и негодяи, караулят некоего стража и еретика. На нас они даже не взглянули, зачем таращиться на парочку ничем не примечательных солдат герцога?

Шабен, я так понимаю, лицо уважаемое, взыравдашний герцог. С магистром ордена полуденных связь поддерживает, королеву... с королевой дружит великой и чистой дружбой. Заглядывать под шлемы его людям было бы крайне неучтиво, а то и чревато. Они и не заглядывали. Наивные доверчивые пейзажи, как легко вас обмануть! Конечно, окажись там карающие, все могло обернуться иначе, но их не было. Возможно, драят щетками своего комиссара, в чем он остро нуждается.

Как и мы – баньку-то герцог нам так и не истопил...

Дальше было скучно. Мы, время от времени меняя коней, быстро двигались навстречу восходящему солнцу, то и дело поглядывая назад в ожидании погони. Епископ при этом негромко молился, вероятно, каясь в ночных грехах, а я с любопытством осматривал окрестности.

Оглядывать, если честно, было почти нечего – местность стандартно-скучная. Леса, полосы крестьянских полей, речушки и ручьи с деревянными мостами или просто бродами, деревеньки вдалеке, изредка замки на холмах. Леса обычные, на вид ничуть не отличающиеся от родных – земных. Разве что не испорчены еще цивилизацией, как и все остальное: ни просек, ни линий электропередачи, ни мусора пластикового, ни плакатов, запрещающих разведение костров. Про поля сказать ничего не могу – в сельском хозяйстве я разбираюсь немногим лучше, чем в египетской грамматике. Деревеньки напоминали те, что видел на побережье, с одной важной разницей – здесь не ставили частоколы. Даже заборов не видать. Странно видеть

абсолютно незащищенные селения. Замки тоже не впечатляли – обычно это или одинокий большой дом, или группа домов, обнесенных изгородью, ничуть не похожей на крепостную стену. Заметно, что местность не слишком прессывали внешние и внутренние враги. Хотя, возможно, возводить укрепления запрещала власть, стремясь облегчить себе контроль над подданными. В моем мире по крайней мере такое практиковалось во все времена.

Ни застав, ни башен каменных, ни мостов подъемных – испохабленная тележными колесами грунтовка. Скачи куда хочешь, никто не спросит: «С какой целью?» Или стража и патрули здесь редки, или епископ умело выбрал дорогу.

Хотя вру – вопросы нам задавали. Лишь однажды. На перекрестке с таким же унылым «шоссе» повстречался трактир. Здесь мы дали отдых лошадям, да и себе, заказав яичницу с пивом. Яичница была просто королевская: земному Дану и половину порции не осилить, но я прикончил с легкостью. Пиво порадовало меньше – не слишком холодное (мягко говоря) и кислятиной отдавало. Зеленый, попробовав, скривился и, с трудом пересиливая отвращение, сделал пару глотков. Аристократ пернатый – вино ему дорогое подавай, а не пойло плебейское. Разбаловала его королева. Я вот человек простой, не голубых кровей, не пристало вчерашнему заключенному носом крутить, поэтому выдул, не поморщившись.

Пока набивали желудки, трактирщик поинтересовался, куда мы, собственно, направляемся. Епископ, не переставая жевать, пробурчал в ответ нечто совсем непонятное, а хозяин заведения, уточнив, не собираемся ли мы здесь оставаться до ужина или даже заночевать, оставил нас в покое.

Но даже этот безобидный интерес сильно насторожил, и мы поспешили продолжить путь. Сомнительно, что нарвались на шпиона карающих, но не в этом дело. Трактирщик нас запомнил хорошо и, если спросят, опишет с подробностями. Да и как не запомнить, если мы были его единственными клиентами на тот момент? Пара подозрительных верзил, хорошо одетых, но вот пахнет от них вовсе не изысканными духами. Вооружены до зубов, но ни гербов, ни опознавательных цветных тряпок, сигнализирующих о причастности к свите какого-либо аристократа, не имеется. При этом расплатились золотой монетой – в кошельке, врученном Шабеном, других не оказалось.

Хозяин трактира сдачу полчаса собирал, и я бы на его месте таких любопытных гостей на всю оставшуюся жизнь запомнил.

Епископ, оборвав молитву, громко предложил:

– Дан, не лучше ли нам сменить дорогу?

– Вы здесь чего-то опасаетесь?

– Трактирщик нас хорошо разглядел, и слуга его тоже. Крестьян навстречу немало попадает, гонцов и просто бродяг – глазастые среди такой публики нередко встречаются. Если за нами есть погоня, по следу пойдут легко, мы ведь его не путаем.

– Герцог объяснил, что по этой дороге мы можем добраться до Шниры за неделю с небольшим, если не станем жалеть лошадей. А если сможем их менять, то еще быстрее.

– Да, он прав. Но скажите откровенно, вы ему полностью доверяете?

– Я никому не доверяю, в том числе и себе.

– Похвально. У аристократов, тем более такого уровня, белое не обязательно белое – интриги у них сложные и многоходовые. Став винтиком в подобной интриге, можно до самого конца об этом не догадываться и очнуться лишь на виселице. Не думайте, что статус стража вас защитит, ведь от карающих он не спас. Нет у вашего ордена серьезного влияния. Уважают вас, это да, но на одном уважении не выжить. Представим даже, что он был с вами искренен. Но давайте вспомним, что у карающих есть плохая привычка: повсюду иметь свои глаза и уши. Вы уверены, что они не узнают о цели нашего пути или хотя бы направлении? Да, в Межгорье, возможно, сунуться побояться, но вот перехватить нас по пути...

– У нас хорошие лошади.

– Это не поможет против грамотной и хорошо организованной погони. Отряд в двадцать всадников карающие собрать могут легко и быстро. У каждого будет пара заводных лошадей. Первый рывок делают, загнав по коню. Далее загоняют по второму. Вторые кони долго не протянут, хоть и налегке шли, но вороны по пути будут забирать лучших коней в деревнях и замках. Хозяева не посмеют спорить, а если посмеют, то разбираться останутся один-два инквизитора, а остальные безостановочно продолжают погоню. Что позволено им, то не позволено нам. Даже получив отрыв на сутки, увидим их на третий-четвертый день.

– Конфидус, вы нагнетаете страсти. Загнать десятки дорогих лошадей – даже для карающих траты слишком уж серьезные. И ради чего? Ради призрачной надежды догнать нас? Я бы на их месте жилы не стал рвать, мы не такие уж важные персоны.

– Вы молоды и наивны... Дан, им очень сильно нужно вас убить. Если вас не станет, вряд ли дело дойдет до конфликта между карающими и полуденными. Даже не конфликт страшен, а потеря репутации – карающим не нужна слава палачей полуденных. Народ их не поймет. Получается, что церковь, выставя себя главным борцом со злом, уничтожает злейших врагов Тьмы, чья репутация складывалась веками – куда там карающим до вас... Так что Хорек пытал вас без высшего дозволения, он просто никак не мог успеть получить разрешение на такое из империи. Значит, действовал сам. Пройди все удачно – хвала ему. Но не прошло – хвалы теперь точно не будет, а будет ему много нехорошего, если дело дойдет до конфликта с оглаской. Руководство карающих может попросту принести его в жертву, представив дело так, что он преступник, нарушивший законы их ордена. Так что Хорек любыми средствами постарается не допустить даже возможности такого конфликта. Ему нужна ваша жизнь. Но и это не все: он оскорблен тем, что мы с ним сделали. Он унижен. До смерти теперь все будут перешептываться за спиной: «Это тот самый Цавус, что по вонючей канаве от иридианина убежал с мордой избитой? Да-да! От иридианина! Они ведь противники насилия человека над человеком, а Цавус вот убежал. Ой! Да что вы такое говорите?! Выходит, он жалкий трусишка?!» И еще я прихватил у него кое-какие записи и переписку с империей – изучу подробнее. Там масса интересного... Подозреваю, он горит желанием эти записи вернуть. Дан, как думаете, станет он жалеть лошадей?

– Я бы на его месте жалеть не стал.

– Вот и я про то же. Церковь богата – такие траты позволить может. А он здесь главный карающий – как прикажет, так и будет. Опасно нам на этой дороге держаться. В городе сейчас инквизиторы всех на уши ставят, пытаюсь след найти. Думаю, найдут, и это только вопрос времени.

– Конфидус, я не знаю эти места. Вам решать, куда сворачивать и когда. Согласен, что оставаться на этой дороге опасно. Не хочется терять время, но еще меньше хочется попасться.

– Насчет времени – есть возможность его не потерять, но и на дороге не остаться.

– Не понял?

– Сколько золотых вам выделил герцог?

– Не считал, на вид монет пятьдесят-сто.

– Это хорошо. Дан, чуть дальше и южнее река Таша большой изгиб делает. Почти к дороге в том месте подходит. Она не слишком широка, да и глубиной не выдалась, но серьезные лодки до этого изгиба поднимаются, если пора не сухая. Ниже она впадает в Ибру, или, как ее бакайцы называют, Иче, поблизости от устья Шниры. Где-то между их устьями крепость стоит, да и выше по Шнире их полно – граница ведь. По большой воде к ним корабли ходят, по малой – лодки. Корабль мы вряд ли осилим, да и нет их на Таше в такую пору, но простой струг нанять или даже купить сможем. Возьмем овес для лошадей и пойдем по течению. Для начала, думаю, сумеем уговорить ватагу опытных мужиков в команду и оставим их уже внизу, в крепости. А дальше посуху выберемся к проходу в Межгорье – там всего ничего будет. Я, правда, не бывал в тех местах, но, думаю, не заблудимся, просто будем придерживаться правого берега Шниры

и выйдем куда надо. Уж крепость-то на ней найти должны. Лодкой идти, конечно, не очень быстро, но это только так кажется – течение сильное помогает и остановок делать не надо, разве что на ночь. А верхом так не получится. Если все будет хорошо, вряд ли время потеряем.

– Думаете, карающие не догадаться о нашем маневре?

– Догадаться могут. Но пока догадаются, мы уже далеко будем. Не думаю, что смогут догнать посуху – не слышал я, чтобы вдоль Таши дороги хорошие имелись: после мора там все позарастало. А по воде уже не догонят – лодки не лошади и загнать их не получится. Даже если гребцов лучших наберут, не особо поможет – на узкой неглубокой реке скорость во вред идет: мели, завалы, камни подводные. Стоит поторопиться, и потом вдесятеро больше времени потратишь на освобождение лодки. Вряд ли догнать сумеют. Разве что чернокнижием каким-то мысли наши выведают и сразу погоню развернут куда надо.

– Хорошо, уговорили. Где там ваша река?

* * *

Мужик высморкался, небрежно смахнул с бороды приклеившуюся соплю, почесал затылок, покосился в сторону реки. Там, наполовину высунувшись на грязный песок берега, темнела туша крохотного суденышка, или, как его назвал епископ, малого струга. Чуть ниже виднелись еще два, но они нас не интересовали – на них не было стойл для лошадей, а для нас это важно: еще неизвестно, сможем ли мы купить других на границе. Оборудовать стойла дело недолгое, но терять время нежелательно. А на этой посудинке все есть – она только что вернулась, отвезя на границу баронского сынка с малой свитой, лишние усовершенствования разобрать не успели.

Вот и набивает цену, гад бородатый, догадался, что деваться нам некуда. Станный только: за плату везти нас к границе отказался, мотивируя это тем, что только что оттуда вернулся. Зато продать посудину в принципе согласен, как и согласен уже на нашей лодке сходить по тому же маршруту. Где здесь логика?! Или я чего-то в лодочном бизнесе недопонимаю...

– Шестьдесят четыре, – чуть растерянно заявил мужик, очевидно сам охреневая от своей наглости.

– Да новый струг не стоит больше полусотни, а твой такой же молодой, как бордельная мамочка, – возмутился епископ. – Сорок две, и хватит – за него в базарный день и двадцати не дадут. Доски рассохлись, мачта болтается, как срам стариковский, под ногами вода хлопает и рыбой весь провонялся.

– А вот не надо наговаривать! – вознегодовал мужик. – Проконопачено по весне на совесть все; на мачте просто оттяжки ослаблены, чтобы на стоянке попусту не обтрепывались; вода под ногами оттого, что ливень здесь позавчера был такой сильный, что у Парна бочку со двора потоком унесло. Так и не нашли, бочку-то... Рыбой воняет, потому что жиром рыбьим доски вчера промазали, нагревая перед тем, – от жучка водного спасение лучшее. На воду спустить – вонь мигом выветрится. А струг мне и самому нужен, так что шестьдесят три.

Ну просто чудесно – они собрались до вечера торговаться. Придется вмешаться.

– Слышишь, ты! Еврей южных морей! Вот тебе сорок пять и попытайся не помереть от радости. А если тебе это корыто так сильно дорого, то можешь сам на него погрузиться с помощниками и сплавиться с нами, как и предлагали. А там, на границе, получишь лодку назад. Но за это сам о припасах посуетись – для людей и лошадей. Причем быстро – мы очень торопимся. Баню нам организуй быстро тоже. И еще. Когда мы лодку вернем, ты возвратишь тридцать монет. Так что не пропадет твой «Титаник». Все понял или как?

Посмотрев мне в глаза, лодочник, видимо, прочитал в них полную безнадежность перспектив дальнейшего торга, но все же робко вякнул:

– Двадцать верну.

– Договорились, – спорить не стал и я, так как это могло продолжаться бесконечно.

– Ох, не знаю, что и делать! Где я команду наберу так быстро? Ребятки Вота-старого пьяные до полного неприличия – кто знает, по каким кабакам их теперь собирать: село у нас большое, а то и в городок подались. Макриновы отродья вороваты, да и тоже поди их найди быстро...

– Да хоть рожай – некогда нам ждать. Шевелись, если хочешь получить свои деньги.

Кивнув, мужик, неловко припадая на левую ногу, направился за ближайший угол. Проводив его взглядом, я обратился к епископу:

– Как думаете – надежный?

– А кто его знает... Но раз до границы ходил уже, то довести сможет. Нам искать другого некогда, а у этого на лодку хоть сейчас можно лошадей заводить. Кони у нас хорошие – жалко бросать. Дан, а что такое «еврей»? И «Титаник»?

* * *

Помощников лодочник нашел – целых три штуки. Причем двое из них затащили третьего на борт волоком – самостоятельно он передвигаться не мог по причине состояния, в науке называемого «анабиоз». Запах, исходивший от него, не оставлял простора для домыслов о причинах паралича всех систем организма – дух ядреной сивухи был столь могуч, что даже Зеленый, проснувшись, демонстративно расчихался и ласково обозвал алкаша уродом.

Оставив занемогшего коллегу валяться у борта, пара мужиков молча и деловито принялись подготавливать струг к плаванию. Завели в стойла лошадей, загрузили какие-то мешки и бочонки, натянули обвисшие пеньковые канаты. Появившийся лодочник обеспокоенно сообщил нам, что больше достойных помощников найти не удалось. Покосившись на храпящее тело (и это называется «достойный»?), я предложил восполнить некомплект экипажа недостойными, на что хозяин отреагировал отрицательно. Он был готов в одиночестве вести свой «Титаник» к границе, лишь бы не брать кого попало.

Далее пожаловал какой-то мрачный дед с упряжкой быков – эта немудреная тягловая сила легко стащила струг на воду. Лодочник о чем-то пошептался с погонщиком скотины и дал «добро» на отчаливание.

Уже через пару минут я понял, почему его так напрягала малочисленность экипажа. Сам бородач встал на корме, ворочая рукоять огромного рулевого весла, а пара молчаливых помощников не успевала работать шестами, отталкиваясь от постоянно возникающих мелей, затопленных деревьев, валунов и прочих препятствий, на которые нас норовило выбросить течение. Скорость не столь уж велика, но при таком весе инерция у суденышка приличная – дно вряд ли пробьем, но засесть можно серьезно.

Не знаю, сколько бородач пообещал этим ребятам, но деньги эти они озером пота и кровавыми мозолями отработают.

Деревня скрылась за поворотом русла. Обернувшись, Конфидус устало улыбнулся:

– Дан, а мы ведь, наверное, попадем в Межгорье еще быстрее, чем по тракту.

Лишь бы не накаркал...

* * *

Развалившись на ложе из пары седел и плаща, я лениво наблюдал, как мимо проносятся крутые берега реки чужого мира. Впервые за долгий срок выпала возможность ничего не делать и ни о чем не беспокоиться. За меня сейчас работают другие – ворочают веслами и толстыми шестами. Никто не готовится выпрыгнуть из-за угла с кинжалом; зомбированных медведей и прочей несимпатичной нечисти в этих краях тоже не водится. Возможно, ребятки Цавуса уже

мчатся по нашим следам, но пока они их распутают, пока поймут, что мы сменили скакунов на яхту, пока...

Не догонят они нас без вертолета...

Можно просто лежать, ничего не делать, блаженствовать. И заодно приводить расшатанную нервную систему в порядок, систематизируя полученные знания и восполняя пробелы новой информацией. Откуда ее получать? Да хотя бы от Рина – того самого хромоногого лодочника. Он оказался не только жадным, но и болтливым – достаточно грамотно намекнуть, и он выдаст полную справку по любому интересующему вопросу с кучей сопутствующей информации. Мужик достаточно неглупый – просто неотесанный.

Одно плохо – любопытный слишком. Всю дорогу пытается выведать, кто мы такие и по какой причине нас понесло в такую даль, да еще столь срочно. При этом не интересуется целью нашей поездки. Хотя глупо интересоваться: у людей вроде нас цель на границе лишь одна может быть – убивать и умирать. Солдаты там нужны постоянно, и никому не интересно, по какой причине человек прибыл в это опасное место. С пограничья выдачи нет: что бы ты ни совершил в цивилизованных землях – назад, на расправу, тебя вряд ли отдадут. Единственные, у кого могут быть неприятности, так это замазанные Тьмой или хотя бы подозреваемые в этом. Так что права у карающих там есть, а у светского суда уже далеко не всегда.

Вот и интересно лодочнику, что же мы такое натворили, раз готовы мчаться к границе с максимально возможной скоростью, не считаясь с расходами. Подозреваю, за счет таких вот торопыг на реке и живут – уж больно уверенно он нас ободрал.

– А вот скажите мне, господин, птица ваша, говорят, не к каждому на руки пойдет. Слышал я, они лишь стражей полуденных признают и людей, которые им помогают, а остальным могут и палец отхватить или глаз выклевать. Правда аль врут?

Зеленый лучшим другом объявит любого, кто поделится с ним спиртосодержащей жидкостью, но зачем лодочнику сокровенные тайны выдавать?

– Рин, спроси у попугая сам, мне откуда знать?

– Да я просто подумал... Нет, не подумал, что вы из стражей будете. Просто думаю, может, вы человек их доверенный. Гонец там... или еще кто. Дело, конечно, как бы не мое совсем, но интересно же. Давно к нам стражи не заглядывали. Говорят, на юге они воюют люто с погаными. А хорошо бы им сюда заглянуть: житья нам здесь нет.

– По тебе незаметно, что живешь плохо.

– Ну пока свое имею, а вот если граница падет, то бежать придется на север, бросив все нажитое добро. А у меня помимо лодки хозяйство: хутор льняной с арендаторами, коровенок две дюжины, по мелочам много чего наберется тоже. Куда это все брать, если погань придет? Солдаты даже спрашивать не станут – людей погонят прочь, а скотину под нож и сжечь, чтобы не досталась Тьме. Лишь лошадей прихватить могут позволить, если не отберут. Никто меня не ждет на севере. Вот что делать?

– Может, граница и не падет, не каркай раньше времени.

– Падет... как ей не пасть, если все к тому идет. При старом короле всех озорных парней, которых к мечу приучить легко, позабирали. Хилых и слабых сердцем домой заворачивали – не нужны такие в армии. При новом теперь всех берут, кто ни попросится. И без спроса тоже взять могут – за недоимки или за что другое. Забирают многих, а назад мало приходит – увечные да больные. Рубка нескончаемая на границе – погани все больше, а наших все меньше. И откуда только плодится такая мерзость... На нашем берегу тоже не все ладно. Мальрок обратился, и все Межгорье от него Тьмой пошло; одержимых прибавилось; огни ночами странные не раз замечали и молнии с чистого неба, а это ведь сами знаете к чему бывает. Чернокнижие уже чуть ли не в открытую. По детству, помню, – за год если одну ведьму сожгут, то много казалось, а сейчас недели без такого веселья не проходит, а только меньше их почему-то не становится. Скотины мор был по осени сильный, да и людей многих тот мор прибрал. А уж что за мор

был в позапрошлом году! Ох... Из села нашего, почитай, каждого третьего забрал, и это еще хорошо – другие села подчистую вымирали, особенно те, что ниже по реке. Скоро по правому берегу такую деревню проходить будем – одни головешки чернеют. Пришли солдаты из города, сожгли трупы прямо в домах, и все – нет там больше людей. Там в замке рыцарь из ставленных жил – тоже мор не пощадил. А потом, к осени уже, пшеница на полях почернела и вся усохла. Не было в тот год вообще пшеницы в нашем краю, даже на семена пришлось с севера везти. Голода смертного, правда, тоже не было, но пояса до хребтов затягивали. Если и в этом году чернота придет, то к весне начнут дети помирать – они в первую очередь при голоде мрут. А дальше, если живы будем, бросим пшеницу – пусть уж лучше рожь. Белый хлеб, оно, конечно, всяко выгоднее и вкуснее черного, да только лучше уж черный жевать, но каждый год, а не через два на третий. Люди мрут, скотина мрет, хлеб сохнет – вот как жить прикажете?

– Тебе-то что? Лодку твою никакой мор не возьмет.

– Лодку оно, конечно, да, но детей двоих схоронил и невестку. Коров спас – в леса увел, на поляны сокровенные, а вот лошади померли. Лошадей тогда мало мерло, а у меня вот обе, да еще и жеребчик малой. А все почему? Потому что колдун у нас объявился. Пришел из города, трактир открыл свой. Место ведь у нас бойкое: тракт неподалеку проходит, дорога от него к реке ведет и еще от городка одна; струги, опять же, доходить могут по воде высокой, причем не только малые. Выгодное для трактирщика место, самое то, когда народа много вертится. Где честному купцу сделку удачную обмыть или вору пропить украденное? Известно где – в трактире. Вот и решил здесь устроиться. А зачем он нам нужен – своих полно. Сразу многим не понравился из-за этого, а дальше уже больше. Когда заметили, что после его появления все беды начались, быстро поняли, откуда это. На хуторах дальних скотина живехонька, а в селедохнет – понятно, что неспроста. Сожгли его вместе с трактиром, да только поздно – успел напакостить.

– Ни при чем здесь трактирщик, – не выдержал я. – Село ваше торговое – сам про ярмарки говорил. Привели откуда-то на продажу корову больную, от нее и пошла зараза. А на хуторах скотина не заболела, потому что не контактировала с заболевшими коровами. Вам бы сразу, как мор пошел, поставить дозоры на дорогах и не пускать к себе ни лошадей, ни коров – тогда бы обошлось.

– Глупости вы говорите, – отмахнулся лодочник. – Все зло происходит от Тьмы, а колдуны да ведьмы ее главные слуги. На юге, кроме них, вообще уже никого не осталось – демами они там прозываются. Говорят, у них и села свои, и города, и даже король. И еще им надо девяносто девять злодеяний сделать, чтобы получить право высшего перерождения, вот и гадают повсюду. А король наш понимать такое не хочет, суды церковные ущемляет, не дает карающим очистить страну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.